

Феномены

Комедия в двух частях

Действующие лица

ПРОХОРОВ Михаил Михайлович, 30 лет

КЛЯГИН Сергей Андреевич, 50 лет

ИВАНОВ Евгений Семенович, 45 лет

ЛАРИЧЕВ Олег Николаевич,

ЛАРИЧЕВА Елена Петровна – его жена, 30 лет

АНТОН – брат Прохорова, 40 лет

ДЕЖУРНАЯ.

Действие происходит в течение двух суток в номере одной из московских гостиниц.

Часть первая

Картина первая

Двухкомнатный номер отдаленной московской гостиницы. Слева – темный проем двери, ведущей в прихожую, справа – дверь в спальню. Обстановка обычная для номеров такого разряда: шкаф, стол, стулья, две кровати. На стенке – репродуктор. В углу на столике – телевизор. Сейчас он включен. ДЕЖУРНАЯ, удобно усевшись на стул посреди комнаты, смотрит телевизор. Из прихожей появляется ИВАНОВ – интеллигентного вида человек лет сорока пяти, в руках у него портфель. Он направляется в спальню, на ходу успев выключить телевизор.

Затем появляется КЛЯГИН – человек лет пятидесяти, одет в мешковатый костюм, в руках – многочисленные свертки, коробки, авоськи. Все это он сваливает на одну из кроватей, разворачивает один из свертков, вынимает длинное женское платье. Прикладывает его к своей фигуре, затем проходит с платьем в ванную комнату.

Входит ПРОХОРОВ. Это мужчина угрюмого вида, лет тридцати, в руках он держит маленький чемоданчик. Протягивает ДЕЖУРНОЙ пропуск.

ПРОХОРОВ. Вот... (Отдает пропуск.)

ДЕЖУРНАЯ (*указывает на один из диванов*). Спать будете здесь. Эта кровать ваша.

ПРОХОРОВ. Понял.

ДЕЖУРНАЯ. В этом номере еще двое живут. Один тут спит, а другой – там, в спальне. Все из вашей организации.

ПРОХОРОВ. Из какой «вашей»?

ДЕЖУРНАЯ. Не знаю. Из той, которая номер бронировала. Вам кто номер бронировал?

ПРОХОРОВ. Журнал.

ДЕЖУРНАЯ. Какой?

ПРОХОРОВ. Психиатрический.

ДЕЖУРНАЯ. Какой?!

ПРОХОРОВ. Психиатрический.

ДЕЖУРНАЯ (*чуть-чуть настороженно*). Вы кто же? Доктор?

ПРОХОРОВ. Нет. Я – шофер. На автобазе работаю.

ДЕЖУРНАЯ. Больной, значит?

ПРОХОРОВ. Почему?

ДЕЖУРНАЯ. Ну, раз в такой журнал приехали...

ПРОХОРОВ. Ну и что? Изучать меня будут.

ДЕЖУРНАЯ. Я и говорю – больной, стало быть... по этой части.

ПРОХОРОВ (*сердито*). Да почему больной?.. Ничего я по этой части не больной! Даже наоборот. Можно сказать, чересчур здоровый. Поэтому и решили меня изучить... Мозг мой то есть... Он у меня особенный...

ДЕЖУРНАЯ критически оглядела голову ПРОХОРОВА, ничего там выдающегося не нашла и поэтому перешла на «ты».

ДЕЖУРНАЯ. Чем же это мозг у тебя особенный?

ПРОХОРОВ. Я предметы двигаю.

ДЕЖУРНАЯ. Куда?

ПРОХОРОВ. В разных направлениях.

ДЕЖУРНАЯ. Грузчик, что ль?

ПРОХОРОВ (*начиная сердиться*). Говорят тебе – шофер! Я мыслью предмет подвинуть могу. Волей!.. Понимаешь? Не руками, а мыслью. Это редкое явление, и называется оно телекинез. Неужели не слышала?

ДЕЖУРНАЯ. Нет.

ПРОХОРОВ. Ну как же... В газетах было. В «Неделе». Но, конечно, некоторые сомневаются. Это наукой не объяснимо. Многие считают, что двигать невозможно. А я – двигаю!

ДЕЖУРНАЯ. И что же ты двигаешь?

ПРОХОРОВ. Когда что. По настроению. Спички могу подвинуть. Вазу... Стул.

ДЕЖУРНАЯ. А ну, покажи!

ПРОХОРОВ. Сейчас не хочется. Мне для этого в особое состояние прийти надо. Нервное такое, понимаешь?.. Я изнутри напрягаюсь! Понимаешь? И от этого очень устаю. Пока коробку спичек подвинешь – семь потов сойдет! Ты знаешь, ты завтра приходи. Днем. С утра меня в журнале изучать будут, а днем я свободный.

ДЕЖУРНАЯ. Ладно. Приду. Слушай, а эти двое, что здесь живут, они тоже?.. Вроде тебя?

ПРОХОРОВ. Не знаю. Наверное!

ДЕЖУРНАЯ. Зря вас всех в один номер. Лучше б расселить... Ты только в номере не очень, слышишь?

ПРОХОРОВ. Чего?

ДЕЖУРНАЯ. В смысле – мебель не сдвигай! Мне-то что, а если администратор увидит – будут неприятности.

ПРОХОРОВ. Понял.

ДЕЖУРНАЯ уходит. ПРОХОРОВ подходит к телефону, набирает номер.

(В трубку.) Алло!.. Это кто?.. Михаил говорит! Да, приехал! В гостинице «Турист». Антона позовите! Алло! Алло!

Видно, на другом конце повесили трубку.

(С угрозой.) Ну ладно!.. *(Подшел к кровати, сел, задумался.)*

Открылась дверь ванной, из нее появился КЛЯГИН, в вечернем женском платье. Подшел к своей кровати, не замечая изумленного взгляда ПРОХОРОВА.

КЛЯГИН (*радушно*). А!.. Сосед прибыл? Здоров! (*Подошел, протянул руку.*) Клягин Сергей Андреевич.

ПРОХОРОВ (*пожимая руку*). Прохоров, Михаил.

КЛЯГИН. А мне Ларичева сказала – ты рано утром должен был прилететь. Уж она звонит, звонит, волнуется. А тебя нет!

ПРОХОРОВ. Самолет запоздал... А вы... это... почему... в платье?

КЛЯГИН. Жене купил. Подарок!

ПРОХОРОВ. Зачем же надел?

КЛЯГИН. Примеряю. У нас с ней размер один: в ГУМе неловко было надеть, а здесь решил – проверю. Если жмет – сменю. Только поносить надо. Не возражаешь?

ПРОХОРОВ. Мне-то что? Носи.

КЛЯГИН. Платье вроде бы ничего, а?

ПРОХОРОВ. Красивое.

КЛЯГИН. Жене пойдет, как думаешь?

ПРОХОРОВ. Наверное.

КЛЯГИН. Только бы не тянуло нигде. А то сменяю. Я часто меняю. Куплю, а потом несу менять. Характер такой! Принесу – и хочется поменять. Они обязаны! Сто рублей платье, не шутка, верно? Обязаны, если что, поменять!.. Но, вообще, у нас плохо меняют, не любят. Я вот в ГДР был, в туристической, вот уж где наменялся! Немцы народ вежливый, хоть сто раз меняй. Ты сам-то откуда, Миша?

ПРОХОРОВ. Из Краснодара.

КЛЯГИН. А я из Феодосии. Оба с юга, значит! Это интересный научный факт. Что мы с тобой два феномена, и оба – с юга. Это не случайно. Значит, климат благоприятствует мозговой деятельности.

ПРОХОРОВ. И фрукты.

КЛЯГИН. Чего? А, ну конечно! Фрукты, овощи... у нас вообще снабжение хорошее.

ПРОХОРОВ (*с любопытством оглядев КЛЯГИНА*). А ты феномен по какой же линии?

КЛЯГИН. Я через стены вижу.

ПРОХОРОВ (*удивленно*). Ну?! Через любые?

КЛЯГИН. В принципе, через любые. Но через старые, конечно, труднее. Раньше, ведь знаешь, как клали – в три кирпича, а через нынешние, шлакоблочные – запросто!.. (*Смотрит сквозь стену в сторону*

коридора.) Во! Гляди!.. Горничная пошла!.. Халатик синий, поясочек затянула... О-о! Кокетничает!.. О-о! Видишь? Нет? Я вижу!

ПРОХОРОВ (*восхищенно*). Вот это да! Ты что ж, с детства такой?

КЛЯГИН. Нет. Детство у меня было нормальное. Я этот дар в себе в зрелом возрасте обнаружил. И то – случайно!.. Сосед у меня в Феодосии двухметровый забор построил. Жил рядом, жил, и вдруг, понимаешь, забор вымахал. Доска к доске! Зачем – непонятно. Каждое утро я мимо этого забора шел и все думал: ну для чего он, сукин сын, его воздвиг? Стал понемногу всматриваться, вглядываться.

ПРОХОРОВ. Да спросил бы лучше.

КЛЯГИН. Спрашивал. Не объясняет! То есть объясняет, но невразумительно. Хочу, говорит, уединения! Понимаешь? Какое, к черту, уединение, зачем?.. Не иначе, думаю, он там бассейн роет. И так это однажды я напряженно всмотрелся, что вдруг как бы растворился перед моим взором забор, и все через него увидел...

ПРОХОРОВ. И чего оказалось?

КЛЯГИН. Да в том-то и дело, что ничего не оказалось, живет он как жил. По вечерам с женой чай пьет. Ничего подозрительного! Хоть бы, например, Би-би-си слушал. А то и этого не делает! Придет с работы, с женой чай попьет и на боковую... А зачем забор? До сих пор не пойму!.. Много дней я сквозь него смотрел, от этого мой талант и стал развиваться. Ну и, понятно, вижу, кто что делает, кто работает, кто дурака валяет... Меня весь город боится...

ПРОХОРОВ. Еще бы! Это ведь вроде как ревизор!

КЛЯГИН. Именно! Ох, Миша, чего я только за чужими стенами не повидал! Рассказать тебе – с ума сойдешь. Я и сам чуть не тронулся! К врачу пошел, а он написал письмо в этот журнал мозга. Оттуда эта самая Ларичева приехала, все изучала меня, ахала. Теперь вот пригласила меня в Москву, комиссии показать. Взгляд у меня, оказывается, особенный какой-то. Хочешь, я тебе в глаза посмотрю?

ПРОХОРОВ. Давай.

КЛЯГИН долго, не мигая, смотрит в глаза ПРОХОРОВУ.

КЛЯГИН. Ну как?

ПРОХОРОВ. Неприятно!

КЛЯГИН. Страшно, Миша! Не глаза – рентген! Называется это, если по-научному, трансфокальное зрение!.. Я, поверишь ли, сам на себя долго в зеркало смотреть не могу. Дурею! Меня в прошлые века сожгли бы запросто, как колдуна.

ПРОХОРОВ (*усмехнулся*). Да меня, наверное, тоже.

КЛЯГИН. Факт! Ларичева рассказывала, ты предметы двигаешь?

ПРОХОРОВ. Двигаю.

КЛЯГИН. Хорошее дело. Я тоже пробовал – не получается. Покачнуть уже кое-что могу, а сдвинуть – никак. Не продемонстрируешь?

ПРОХОРОВ. Сейчас не хочется. И силы надо поберечь на завтра.

КЛЯГИН. Ну, что-нибудь легкое. Для тренировки. В газетах пишут: «Ежедневная тренировка – залог высоких результатов»!

ПРОХОРОВ. Разве что для тренировки? (*Оглядывает комнату.*) Графин, что ли?

КЛЯГИН. Давай! Я воду вылью, он полегче будет. (*Выходит в ванную, выливает воду.*)

ПРОХОРОВ. Скатерть убрать надо.

КЛЯГИН. Это мы в момент.

КЛЯГИН стаскивает скатерть, ставит на стол графин.

Валяй!

ПРОХОРОВ садится напротив графина, напряженно смотрит на него, сжимает кулаки, скрипит зубами – графин недвижим.

ПРОХОРОВ. Не идет!.. Мне для этого надо в особое настроение прийти, понимаешь? Нервное такое, понимаешь?

КЛЯГИН. Ну и приходи.

ПРОХОРОВ. Злость я должен испытать, понимаешь?.. Злость к предмету!.. А к графину у меня злости нет.

КЛЯГИН (*подумав*). А давай я поллитру поставлю.

ПРОХОРОВ (*подумав*). Ну, а к поллитре-то какая может быть злость?

КЛЯГИН. А такая! Раньше ее из пшеницы гнали, а теперь черт-те из чего! Химия сплошная. Голова трещит!

ПРОХОРОВ. Это верно.

КЛЯГИН. Печень страдает. Прогулы на производстве. Аварии на дорогах. Зрение слабеет. Руки дрожат. А сколько из-за нее семей разбитых? А детей дефективных? У нас вот у алкоголика одного сын родился... без уха.

ПРОХОРОВ. Как это?

КЛЯГИН. А вот так!.. С одной стороны ухо есть, а с другой – ничего!

ПРОХОРОВ (*сжав кулаки, решительно*). Ставь поллитру.

КЛЯГИН. Момент. (*Бросается к покупкам, достает бутылку.*) Вот она, проклятая!

ПРОХОРОВ напряженно смотрит на бутылку, напрягается, из его уст вырываются отдельные проклятья. КЛЯГИН активно включается в этот опыт. Подбадривает.

ПРОХОРОВ. У! Зараза! Гадость! А, сволота!

Бутылка поехала.

КЛЯГИН (*возбужденно*). Давай, Миша! Давай! Поднажми!

ПРОХОРОВ (*хрипит*). У...с-сволота!..

Бутылка доходит до конца стола, падает. КЛЯГИН ловко хватает ее на лету.

КЛЯГИН (*кричит*). Финиш! Мишка! Финиш! Ур-р-ра!

Распахивается дверь спальни комнаты. Оттуда выскакивает ИВАНОВ. Секунду он с отвращением смотрит на побагровевшего ПРОХОРОВА, на КЛЯГИНА в женском платье, с бутылкой водки в руках, потом делает усилие над собой и говорит, стараясь сохранить вежливость.

ИВАНОВ. Дорогие! Да если попробовать не орать, а? Не хотите такой эксперимент провести: пить будем, а орать не будем! Попробуем, друзья мои, а?! Потому что где-то рядом люди живут, работают... Работают еще где-то люди, понимаете? Вот такой парадокс. Извините, дорогие друзья мои, современники мои ненаглядные! Извините! (*Зло хлопнув дверью, скрывается в спальне.*)

ПРОХОРОВ (*смущенно*). Во как получилось-то... Нехорошо.

КЛЯГИН (*пренебрежительно*). Подумаешь, цаца! Все ему мешают.

ПРОХОРОВ. А кто это?

КЛЯГИН. Да живет тут. Иванов фамилия.

ПРОХОРОВ. Тоже феномен?

КЛЯГИН. Конечно. Но если разобраться, то и не феномен, а так, одно название! Телепат он. Понимаешь? Мысли угадывает на расстоянии. *(Усмехнулся.)* Эка невидаль! У меня пудель тоже их угадывает. Честно!.. Только подумаешь: «Хорошо б поужинать», – а он тут как тут, бежит и хвостом виляет...

ПРОХОРОВ. Ну, это ты зря.

КЛЯГИН. Ничего не зря! Вот ты бутылку подвинул, я тебя уважаю. Действительно талант! И нос не задираешь. Простой, доступный человек. А его просил один раз: угадайте, чего я задумал, ну, по-простому сказал, без всякой подковырки; утром встретились в буфете, чай пили, я говорю: угадайте! А он сразу: «Оставьте меня в покое, у меня и без ваших мыслей голова пухнет!» Вроде я ему неинтересен. Вроде только он феномен, а я – так, приبلудный. *(Кричит в сторону спальни.)* Мы тут все равны! *(Прохорову.)* Телевизор включать не дает. Радио тоже. Бегает все куда-то, бегают, а потом прибежит, запрется в комнате и сидит там как бирюк.

ПРОХОРОВ. А чего он там делает?

КЛЯГИН. Черт его знает!

ПРОХОРОВ. Ты посмотрел бы.

КЛЯГИН. Говорю тебе: он дверь запирает!

ПРОХОРОВ. А ты – через стенку!

КЛЯГИН. Вот еще... Он на меня свой мозг тратить не хочет, и я на него не стану!

ПРОХОРОВ *(внимательно посмотрев на КЛЯГИНА)*. Ты бы платье-то снял, а? А то ходишь, задом вертишь!

КЛЯГИН. Ладно! Сменю я его, к черту! Не нравится мне оно, и бретельки режут!.. *(Уходит в ванную.)*

Некоторое время ПРОХОРОВ сидит один, затем дверь спальни открывается, выходит ИВАНОВ, в плаще, с портфелем в руках. Быстро направляется к выходу. ПРОХОРОВ провожает его глазами.

ПРОХОРОВ. Товарищ!

ИВАНОВ *(останавливается)*. Это вы мне?

ПРОХОРОВ. Товарищ, вы не сердитесь, что мы шумели. Мы не пили. Мы просто... репетировали.

ИВАНОВ. Да я и не против самодеятельности. Я только попросил не орать. *(Хочет уйти.)*

ПРОХОРОВ. Вопрос можно?

ИВАНОВ. Пожалуйста.

ПРОХОРОВ. Зачем вы чужие мысли угадываете? У вас разрешение на это есть?

ИВАНОВ. Не понял. Вы о чем?

ПРОХОРОВ. Нехорошо это. Мало ли о чем человек подумал. Это дело сокровенное. Зачем лезть?

ИВАНОВ. Товарищ, я очень спешу. Говорите понятней...

ПРОХОРОВ. В общем, я прошу мои мысли не угадывать!

ИВАНОВ. С наслаждением.

ПРОХОРОВ. А если уже угадали... ну, что здесь обдумывал... то прошу никому об этом не сообщать.

ИВАНОВ. Договорились.

ПРОХОРОВ. Потому что ее я, может быть, и не убью, это я сгоряча, а его... его я обязательно убью!

ИВАНОВ (*испуганно*). Кого?

ПРОХОРОВ. Вы знаете кого!

ИВАНОВ (*растерянно*). Товарищ... товарищ... Минуточку!.. Не впутывайте меня в уголовщину!

ПРОХОРОВ (*со злобой*)... И Антону прошу не звонить! И в милицию не сообщать! Вы знаете, я знаю – и все! Могила!

ИВАНОВ. Какому Антону?! Что за бред?.. Не угадывал я ваших мыслей. У меня своих хватает. (*Посмотрел на часы.*) К сожалению, я должен бежать. Вечером поговорим.

ПРОХОРОВ. А чего тут говорить? Дело решенное.

ИВАНОВ. Ну, как знаете... (*Открывает дверь.*)

ПРОХОРОВ (*вслед*). А вы считаете, что такой человек имеет право жить, да?

ИВАНОВ (*раздраженно*). Не знаю, товарищ, не знаю! Я спешу! До вечера пусть поживет, там разберемся... Сумасшедший дом какой-то... (*Уходит*)

Из ванной появляется КЛЯГИН. Он уже в своем обычном костюме.

КЛЯГИН. Ну что, Миш, может, в буфет сходим? Там сейчас народу мало...

ПРОХОРОВ. Неохота!

КЛЯГИН. Да пошли перекусим... (*Вглядывается в стенку.*) Вот у них сметана свежая. Сосиски горячие. О! Пиво привезли... Какая

марка? *(Напрягается, читает по складам.)* «Пра-з-д-рой»! Чешское пиво. Хорошее. Пошли!

ПРОХОРОВ *(восхищенно)*. Неужели прямо вот отсюда и видишь?

КЛЯГИН. А чего ж? Дело нехитрое. Ну, пошли?

ПРОХОРОВ. Пошли.

Раздается стук в дверь. Мужской голос: «Разрешите?» В комнату входит ЛАРИЧЕВ. Его движения быстры, даже несколько суматошны, голос резкий, взгляд жесткий – вообще ощущается, что человек находится в некотором нервном перевозбуждении.

ЛАРИЧЕВ. Здравствуйте, товарищи! Я сюда попал?.. Ну, что вы молчите? Ответьте: я сюда попал?

КЛЯГИН. Так это вам лучше знать, сюда вы попали или не сюда. Вы куда шли-то?

ЛАРИЧЕВ. Это какой номер? Это номер четыреста двадцать пять? *(Выскочил из комнаты, через секунду вернулся.)* Все точно – это четыреста двадцать пять. Вы – уникамы?

КЛЯГИН. Феномены мы.

ЛАРИЧЕВ. Феномены! Это я и имел в виду. *(Разглядывает ПРОХОРОВА и КЛЯГИНА.)* М-да. Примерно такими я вас себе и представлял. Сейчас даже угадаю: кто есть кто. Вы – Прохоров, а вы, судя по неприятному, тяжелому взгляду, – Клягин. Угадал?.. А Иванов? Где Иванов? Где, наконец, этот Иванов?

ПРОХОРОВ. Ушел Иванов.

КЛЯГИН *(Ларичеву)*. Вы-то кто?

ЛАРИЧЕВ. А я – Ларичев. Олег Николаевич Ларичев. Муж Елены Петровны.

КЛЯГИН. Очень приятно.

ЛАРИЧЕВ. Не уверен!.. Сесть позволите?

ПРОХОРОВ. Садитесь. А сама-то Елена Петровна придет?

ЛАРИЧЕВ. Придет. Обязательно придет. И, наверное, скоро, поэтому я и нервничаю. Не хочу, чтобы мы встретились. Курить можно? *(Закурил, погасил сигарету.)* Нет, не буду! Я ведь бросил курить. Душно у вас здесь. Окно открыть, а? *(Пошел к окну, вернулся.)* Нет! Шумно! Будет мешать. М-да!..

ПРОХОРОВ. Что случилось-то?

ЛАРИЧЕВ. Случилось? Ничего не случилось. Просто пришел с вами поговорить. Разговор у нас важный, а времени нет. Вот и думаю: с чего начать. М-да... *(Пауза.)* Ну ладно. Без предисловий. Попробуем начать так... *(Полез в карман, достал фотокарточку.)* Как вы считаете? Кто это?

КЛЯГИН *(взглянув на фото)*. Кто?

ЛАРИЧЕВ. Я! Пять лет назад. Хорош?

КЛЯГИН. Симпатичный.

ЛАРИЧЕВ. Другой человек!.. Обратите внимание: взгляд, осанка. А цвет лица? Какой был цвет лица! Кровь с молоком! Стометровку за одиннадцать секунд бегал...

КЛЯГИН. А сейчас?

ЛАРИЧЕВ. Что сейчас?

КЛЯГИН. Сейчас за сколько?

ЛАРИЧЕВ. Сейчас не бегаю!.. М-да... Нет, не то! Все не то! Начнем сначала. Начнем с жены. Жена моя – Ларичева Елена Петровна – сотрудница научного журнала, прекрасная, умная, добрая, достойная женщина...

ПРОХОРОВ. Это мы знаем.

ЛАРИЧЕВ *(резко)*. Не перебивать!.. Одним словом, великолепная женщина и мать. У нас дочка. Девять лет. Учится в музыкальной школе. М-да! Нет. Опять не то! Не то!

КЛЯГИН. Товарищ, а вы попробуйте про «то» говорить!

ПРОХОРОВ *(Клягину)*. Не сбивай!.. *(Ларичеву)* Вы не волнуйтесь! У меня тоже так бывает. Когда волнуюсь. Особенно на собрании. Хочу что-то сказать и все понимаю, что хочу сказать, и уже все понимают, что я хочу сказать, а я все не говорю...

ЛАРИЧЕВ *(раздраженно)*. Товарищи, не отвлекайтесь! У нас мало времени. На чем я остановился?

КЛЯГИН. Жена ваша – в музыкальной школе девять лет, дочка – достойная женщина.

ЛАРИЧЕВ. Нет... Нет... Нет... Это жена – достойная женщина! И не просто достойная, а чудный, отзывчивый человек. И настоящий физиолог. Перспективный ученый... Была.

ПРОХОРОВ. Как это «была»?

ЛАРИЧЕВ. Была, пока не увлеклась вами. Я не имею в виду вас конкретно, я говорю о вас как о явлении. Началось это пять лет назад.

КЛЯГИН. Это когда вы стометровку бегали?

ЛАРИЧЕВ. Да отстаньте вы со стометровкой!!! Увлелась она, стало быть, вами, феноменами, униками, «самородками из народа», так сказать, и стала вас разыскивать по всей стране... М-да! А уж чего-чего, а этого-то добра у нас оказалось предостаточно. И всех Лена тащила в Москву, иногда за свой счет. А иногда не просто в Москву, а прямо к нам домой. Господи боже мой, кого у нас только не было! Страшно вспомнить! Ясновидец один жил. Из-под Воркуты. Утверждал, что прекрасно видит будущее и может его предсказывать. И предсказывал будущее! В общих чертах, конечно, но зато категорично. Знаете, эдак в стиле поэта: через четыре года здесь будет городсад! Все! Хочешь – верь, хочешь – нет. Леночка с ним полгода носилась, таскала по разным комиссиям, даже познакомила с кем-то из Госплана. Он и там прогнозировал. Наверное, до сих пор убытки списать не могут!.. М-да!.. Ну, еще у нас женщина одна целый месяц на квартире прожила! Эта – читала пальцами. Писать, дура, не умела, но читать – пожалуйста!.. Особенно редкие книги. Несколько книг так и зачитала пальцами, не могу найти! М-да... Потом еще один тип жил, из Иркутска. Этот все фото пленку мыслью засвечивал. Хлебом не корми, дай только ему пленку засветить. Ну, он, слава богу, недолго голову морочил, его фотографии поймали, морду набили за испорченные пленки, он и смотал. Зато уж исцелитель нам всем крови попил. Это был фрукт!.. Филиппинец! По фамилии ЗУЙКОВ. Брался лечить все, любую болезнь. Кожу, внутренности руками раздвигал. Без анестезии. С этим целый год носились. Профессоров одурачивал! Я, идиот, и то доверился... У меня в коленном суставе мениск повредился, он говорит: давайте, я вам, Олег Николаевич, сустав раздвину... И ведь раздвинул, сволочь! Реанимация приезжала! В ЦИТО два месяца задвинуть не могли...

ПРОХОРОВ (*угрюмо*). Вы для чего нам это рассказываете?

ЛАРИЧЕВ. А вы не понимаете, да?

ПРОХОРОВ. Вы подозреваете, что и мы?..

ЛАРИЧЕВ (*вскочив*). Подозреваю?! Я – человек с высшим образованием, закончивший два университета, один из которых – марксизма, и я подозреваю?! Товарищи, дорогие мои, совесть надо иметь! Я не подозревать сюда приехал, просить: уезжайте, милые! Я проезд оплачу в оба конца, только уезжайте. Не губите доверчивое существо! Ее же из двух институтов уволили, теперь из журнала выгонят. Дома ни копейки, дочь заброшена. У Леночки сердце слабое, стенокардия. Я сам неврастеником сделался. А ведь каким был? Где фотография? (*Роется в карманах.*) Нет фотографии! Но все равно... Уезжайте, товарищи, умоляю! Иначе я не выдержу!

ПРОХОРОВ. Да подождите. Нельзя же так. Ну, бывают жулики. Бывают. Нас-то зачем обижать? Некрасиво это, всех – под одну метлу.

КЛЯГИН. Я лично за себя – ручаюсь!

ПРОХОРОВ. А я? (*Клягину.*) Ну ты же видел.

КЛЯГИН. Да, Мишка предметы двигает. Я – свидетель.

ЛАРИЧЕВ (*устало*). Чем двигает? Чем?

ПРОХОРОВ. Не знаю. Думаю... ну... силой психики.

ЛАРИЧЕВ. Чем?

КЛЯГИН. Психикой!

ЛАРИЧЕВ. А вы бы, голубчики, книжку почитали. Книжка есть такая – «Физика» называется. Вы бы ее прочли на досуге. Вы бы интеллигентным человеком стали и ничего бы «психикой» больше не двигали, а поняли, что сие – невозможно!!!

ПРОХОРОВ (*обиженно*). Я правду говорю. Ну, честное слово...

КЛЯГИН. А ну, покажи ему, Миш! Продемонстрируй!

ПРОХОРОВ. Устал я.

КЛЯГИН. Превозмоги себя, Миша. Превозмоги! Тут вопрос принципиальный! (*Вновь ставит бутылку в центр стола.*)

ПРОХОРОВ впивается взглядом в бутылку. ЛАРИЧЕВ в отчаянии закрывает лицо руками.

ЛАРИЧЕВ. Умоляю, не надо фокусов! Я все это сто раз видел. Я все это знаю.

ПРОХОРОВ напрягся. Бутылка двинулась с места. КЛЯГИН трясет за плечо ЛАРИЧЕВА.

КЛЯГИН (*Ларичеву*). Да вы смотрите! Человеку же тяжело. (*Прохорову.*) Давай со старта, Миша, он не смотрел. (*Ставит бутылку.*)

ПРОХОРОВ напрягается. Бутылка движется к ЛАРИЧЕВУ, тот отмахивается. Пытается убрать бутылку.

ЛАРИЧЕВ (*решительно*). Я же сказал. Не надо фокусов!

ПРОХОРОВ (*хрипит*). У, зараза!.. Убери! Убери руку!

ЛАРИЧЕВ (*сдерживая бутылку*). Не надо. Не надо фокусов. Я все понял!

КЛЯГИН. Что понял?

ЛАРИЧЕВ. Все! Стол с наклоном, бутылка из специального стекла..

КЛЯГИН. Проверь! Пол – ровный. Бутылка – обычная, за четыре двенадцать...

ПРОХОРОВ (*стонет*). Убери руку!..

ЛАРИЧЕВ. Не надо фокусов! Прошу!!!

ПРОХОРОВ. У-бе-ри!!!

ПРОХОРОВ неожиданно закатывает глаза, валится на пол без сознания.

КЛЯГИН бросается к ПРОХОРОВУ.

КЛЯГИН. Миша! Дорогой! Очнись!

ЛАРИЧЕВ (*испуганно*). Что с ним?

КЛЯГИН. Говорили же – убери руку! Надорвался человек!

Стук в дверь, женский голос: «К вам можно?»

ЛАРИЧЕВ (*испуганно*). Товарищи, это она. Это Лена! Ради бога, обо мне – ни слова. (*Мечется по комнате.*) Она мне не простит! Умоляю! (*Скрывается в спальном комнате.*)

КЛЯГИН. Миша! Друг! Очнись! Миша!.. Мишаня!..

КЛЯГИН открывает дверь. Входит ЛАРИЧЕВА ЕЛЕНА ПЕТРОВНА – милостивая женщина лет тридцати, – испуганно бросается к ПРОХОРОВУ.

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Что случилось?

ПРОХОРОВ (*приходит в себя*). Сейчас! Сейчас пройдет!..

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*Клягину*). Дайте воды!

КЛЯГИН (*схватил пустой графин*). Как назло, все вылил.

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Зачем?

КЛЯГИН. Чтоб полегче был. Он ведь хотел сперва графин толкнуть, а потом решил – бутылку. Ну, она его и свалила.

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Какая бутылка? Кто разрешил? Для чего? Уберите немедленно! Чтоб я этого никогда не видела!

ПРОХОРОВ (*трясет головой*). Сейчас... Все. Уже лучше. Извините нас, Елена Петровна.

КЛЯГИН (*Ларичевой*). Вы не подумайте. Мы ни-ни, ни грамма. Культурно сидели, разговаривали. Потом решили потренироваться. Вроде разминки перед соревнованием.

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Разминка?! Да что ж вы, Клягин, себе позволяете?

КЛЯГИН. Я-то при чем? Он упал, а Клягин – виноват.

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Вы тоже хороши! Мне на вас буфетчица сейчас жаловалась... Вы зачем ее терроризируете?

Клягин (*повышая голос*). А зачем она вишню под прилавком держит?

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*кричит*). Какую вишню?!

КЛЯГИН. В шоколаде!..

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*в отчаянии*). Товарищи!.. Что происходит? Завтра показ! Соберутся серьезные ученые, журналисты... Вы это понимаете?

КЛЯГИН. Понимаем.

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Нет, не понимаете, если вглядываетесь под прилавок!.. На что вы себя тратите?.. На что размениваетесь?.. (*Резко.*) Сядьте, Клягин! Сядьте и послушайте! Товарищи, дорогие мои! Мы пытаемся открыть одну из самых главных тайн науки – возможности человеческого мозга! Космос, ядро атома – все это гораздо проще и понятнее, чем то удивительное сооружение природы, которое мы с вами носим на плечах. Три миллиарда лет эволюции живой материи – вот что такое наш мозг, наш разум! Он проник в бесконечность Вселенной, теперь он хочет пойти еще дальше – понять сам себя. И с этой точки зрения вы, да, да, вы – Прохоров, Клягин, Иванов – явление уникальное, неповторимое! В вашем мозгу таятся такие поразительные возможности, изучить которые мы должны, просто обязаны!

КЛЯГИН. Выходит, мы – вроде кроликов?

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Да нет! Вы – люди! В высшем значении этого слова! Это я и пытаюсь вам объяснить. В каждом из вас заложена феноменальная способность, которая, я в этом уверена, есть в любом человеке! Просто не каждый способен ее в себе распознать! Может быть, человечество сейчас стоит на пороге какой-то новой, удивительной жизни?.. Открыв тайны своего сознания, мы сможем беспрепятственно обмениваться мыслями и идеями, исчезнут преграды, человек научится волей, одним движением мысли перестраивать мир вокруг себя! Вот же о чем разговор, дорогие мои!.. Вот для чего стоит жить. А вы?.. А вы?.. Черт знает на что себя тратите... Бутылка водки... «Вишня в шоколаде»... Как не стыдно... (*Неожиданно всхлинула.*) Как вам не стыдно!

ПРОХОРОВ. Что вы, Елена Петровна! Успокойтесь!.. Не надо!

КЛЯГИН. Елена Петровна... Не надо...

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Извините! *(Вытерла слезы.)* Я совсем издергана. Я не спала всю ночь. С таким трудом добилась этого показа. Мне не верят. Надо мной смеются... Многие считают, что вы шарлатаны. Да, товарищи, в нашем деле много шарлатанов! Ну и что? Разве это аргумент? В какой области науки не встречаются шарлатаны?... А я в вас очень верю. Вы завтра меня не подведете, правда?

КЛЯГИН. Не волнуйтесь, костями ляжем!

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Не надо костями! Не надо! Ничего сверхъестественного. Пусть комиссия увидит только то, что я видела собственными глазами. Вот и все. А до этого, умоляю, никаких тренировок! Проведите сегодняшней день спокойно. Достоинно! Сходите в музей, в парк. Беседуйте о чем-нибудь прекрасном, возвышенном. Встречайтесь только с интересными людьми... И старайтесь не злиться, не раздражаться! Отрицательные эмоции пагубно действуют на мозг!

КЛЯГИН. А чего нам злиться?

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Да вот вас всех в один номер поселили. С гостиницами в Москве такие трудности! Вы уж нас извините.

КЛЯГИН. Да мы не в обиде. Мы мирно живем. Верно, Миш? Ты на меня злишься? Нет? И я на тебя не злюсь!

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. А товарищ Иванов?

КЛЯГИН. А этот, слава богу, ушел.

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Куда?

КЛЯГИН. Дела у него какие-то. Все время бегают, бегают. Весь в мыле.

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Да что ж он творит? Я даже по телефону его поймать не могу. Передайте – пусть не занимается никакими делами, пусть отдыхает. Показ назначен на завтра на двенадцать дня. Ровно в одиннадцать я заеду за вами. Все! И никаких волнений! До свидания! *(Встала, решительно направилась к спальне.)*

КЛЯГИН *(испуганно)*. Э!.. Э!.. Не туда! Елена Петровна!.. Не туда! Там никого!.. Это – комната Иванова.

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Извините!.. Кстати, гляну, как он устроился... *(Берется за ручку двери.)*

КЛЯГИН *(встал на пути)*. Не надо!.. Не стоит!!! Хорошо устроился... А потом, он дверь на ключ запирает.

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Зачем?

КЛЯГИН. Боится, наверное, чтоб мы его вещи не сперли!

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА *(вспыхнув)*. Клягин, я же просила!..

КЛЯГИН. А что я говорю? Запер и запер! Ему никаких волнений, а нам никаких претензий! Положительные эмоции!.. Вы не волнуйтесь, Елена Петровна! *(Провожает ее к передней.)*

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Показ назначен на двенадцать. В одиннадцать я заезжаю. И никаких волнений. До свидания!

КЛЯГИН. До свидания, Елена Петровна!

Ларичева уходит.

Ну дела! Как она к двери-то рванулась... Еле перехватили. Вот смешно!

ПРОХОРОВ *(мрачно)*. Помолчал бы. У людей беда, а тебе смешно. *(Подходит к двери, ведущей в соседнюю комнату.)* Товарищ Ларичев, можно выходить... Ваша супруга ушла. *(Дергает дверь. Обнаруживает, что она заперта)* Товарищ Ларичев! *(Стучит)*

КЛЯГИН. Чего это он заперся?

ПРОХОРОВ *(дергает за ручку)*. Товарищ Ларичев!

КЛЯГИН *(озабоченно)*. Чего он там делает?

ПРОХОРОВ. Ты меня спрашиваешь?!

КЛЯГИН. Я к тому, что он, вообще... какой-то психованный... Как бы не удумал чего-нибудь. *(Подходит к двери, стучит.)* Э! Олег Николаевич! Вы что там? Уснули? Э! Не дуришь!!! *(Барабанит в дверь)*

ПРОХОРОВ *(грозно)*. Что с ним?

КЛЯГИН. Подожди, Миша, не волнуйся... Нам нельзя! Нам запрещено...

ПРОХОРОВ. Что с ним?! СМОТРИ!!!

КЛЯГИН. Я так не могу сразу, Миша... Я очень нервничаю!

ПРОХОРОВ *(орет)*. СМОТРИ!!!

КЛЯГИН. Я сказал... Сейчас, Миша! Не могу... Момент! Как так сразу... Ты отвернись... А то я сбиваюсь... Честно, по-человечески прошу, отвернись!

ПРОХОРОВ отворачивается.

(Достает дрель, быстро сверлит дырку, смотрит в нее.) О... Ничего страшного!.. Все в порядке. Там через балкон выход есть... К вестибюлю... Он ушел... Все в порядке!

ПРОХОРОВ обернулся и теперь надвигается на КЛЯГИНА со сжатыми кулаками.

Ты чего, Миш!.. Брось. Это ж я так... для страховки!

ПРОХОРОВ (*схватил Клягина за ворот*). Ну, Клягин!.. Я понял, почему твой сосед забор строил! Он тебя, гада, видеть не мог!!!

Затемнение.

Картина вторая

Прошло несколько часов. Вечер. Тот же номер в гостинице. За окном шумит дождь. ПРОХОРОВ лежит на диване. КЛЯГИН, угрюмо сопя, собирает вещи. Закрыв чехол, щелкнул замками.

КЛЯГИН. Все!.. Прощай! Дождь зарядил... (*Подумал.*) Миш!.. А может, мне остаться, а?

ПРОХОРОВ не отвечает.

Миш! Я с тобой говорю.

ПРОХОРОВ (*мрачно*). Вали отсюда!

КЛЯГИН (*со вздохом*). Грубый ты, Миша! Что это за слова такие? «Вали!» Приехал с научной целью, значит, и веди себя соответственно. А гнать меня не имеешь права. Меня ученые пригласили, они и решат, уезжать мне или нет!

ПРОХОРОВ. Клягин, я тебя по-хорошему прошу: уезжай! А то ведь я не только мыслью двигаю, я и кулаком могу...

КЛЯГИН. Хулиган ты, Миша! Просто хулиган. Нет, гений, конечно, – это Елена Петровна верно говорила, – но хулиган... Ладно. Будь здоров! (*Направился к двери, вышел, вернулся.*) Нет. Не поеду! И знаешь почему? Из-за тебя. Тебя никак одного оставлять нельзя. Ты свой талант до комиссии можешь не донести. Расплескаешь!.. И потом, тебе Елена Петровна прописала общение с интересными людьми...

ПРОХОРОВ. Ты, что ль, интересный?

КЛЯГИН. А что? Если я через стенки не смотрю, так уж сразу ноль без палочки?.. А я, может, человек энциклопедического образования. Вот! Вот давай скажи, какая столица Венесуэлы? Ну? Не знаешь! А я скажу – Каракас! Кто премьер-министр Канады? Ну? Кларк! Вот как! Память у меня, Михаил, лошадиная. Если что где услышу – запомнил. Скажут, к примеру, по радио: «В Новокраматорске вступила в строй третья линия медеплавильного комбината!» – и все, я уже, как в сейф, в голову положил. На всю жизнь. Зачем – не знаю, но только можешь меня ночью разбудить и спросить: какая

линия вошла в строй в Новокраматорске? Я без запинки – третья! И так про все. В общем, давай не стесняйся, можешь меня спрашивать. Давай!

ПРОХОРОВ. О чем?

КЛЯГИН. О чем хочешь. Давай спрашивай. Я тебя поднатаскаю по всем проблемам. А то у тебя, судя по разговору, уровень не ахти. Нет, ты не обижайся, Миша, но, честно говоря, мне за тебя немножко стыдно.

ПРОХОРОВ (*в сердцах*). Ну, не гад ты, а? Сам с дрелью ходишь, а за меня ему стыдно!

КЛЯГИН. А при чем тут дрель?

ПРОХОРОВ. А при том, что – жулик!

КЛЯГИН. Ну и что?.. Пусть так! А кто я есть? Никто. Обыкновенный человек, один из миллионов... А ты, Мишка, – один на миллион! Разницу ощущаешь? Тебе же, кажется, ясно Елена Петровна объяснила, кто ты есть на нашей земле. Уникум!.. Достижение эволюции... Слыхал же, три миллиарда лет материя развивалась, чтобы наконец ты, Мишка Прохоров, возник из тумана. С тебя, может, начинается новая эпоха, как с той обезьяны, которая палку в руки взяла. Энгельса читал?.. Э! Ни черта не читал! А по Энгельсу, все и началось с той обезьяны, которая палку в руки взяла да ею яблоко и сбила. До этого она была обезьяна, а тут сразу стала человек. Вот так и ты!.. Ты думаешь, для чего нас на комиссию свезли? Не знаешь! (*Оглядывается, заговорщицеским тоном.*) Для космических контактов!.. С людьми из других миров! Про летающие тарелки-то слышал?

ПРОХОРОВ. Слышал. Только я в них не верю...

КЛЯГИН. Конечно! Куда же тебе поверить... Пока она к тебе в Краснодар на автобазу не сядет, ты и не поверишь... А их уже сотни. Говорят, уже двух пришельцев поймали. Сидят! Точно! Держат их, понимаешь? А контакт установить не можем. Умом не тянем. Вот и хотят феномена им подсунуть, чтоб он им все про нас, про человечество, объяснил. А что ты сможешь объяснить? Спросят они тебя: Михаил, какая линия вошла в строй в Новокраматорске? Ты и не знаешь!.. Поэтому я останусь! Хоть подготовлю тебя немножко.

ПРОХОРОВ. Обойдемся!.. Ты давай, Сергей Андреевич, отчаливай! Нечего мне про пришельцев заливать...

КЛЯГИН. Вот чудак-то! Говорю же тебе – они уже здесь!

ПРОХОРОВ. Тем более тебе не надо им на глаза показываться!.. Давай, давай! Съездил в Москву на казенный счет, запасаю, платье жене купил, можно возвращаться!

КЛЯГИН (*грустно*). Глупый ты, Михаил! Нет у меня жены.

ПРОХОРОВ. Как?

КЛЯГИН. Ушла она, Миша. И самое обидное – в никуда ушла, вообще, понимаешь?.. Ну, завела бы любовника, молодого, приезжего, у нас на юге это бывает, это хоть понять можно, а то – в никуда! А ведь мы с ней, Михаил, двадцать лет бок о бок прожили. Всякое было, разное! Терпела! А подался я в феномены – она не поверила и ушла. Вот почему мне до зарезу нужно этот симпозиум пройти, чтоб справку получить: я бы к ней с подарками и со справочкой бы пришел. «На, Надь, гляди, ты сомневалась, а вот он – документ!» Не выгоняй меня, Михаил!.. Разреши остаться!

ПРОХОРОВ. Не терзай душу, Клягин. Не могу!

КЛЯГИН. Люблю я ее. Понимаешь?! Ради любви прошу! Пойми! У тебя есть жена или женщина любимая?

ПРОХОРОВ. Есть!

КЛЯГИН. Ну?!

ПРОХОРОВ. И ради нее не могу я позволить, чтобы ты тут оставался. Потому что такие, как ты, ей жизнь загубят. Она верит нам, по стране ездит, собирает, душу в нас вкладывает, а ты ее на позор!

КЛЯГИН. Ты что, Миш?.. Ты про Елену Петровну? Она замужем!

ПРОХОРОВ. Ну и что? В замужних влюбляться нельзя, что ли?

КЛЯГИН. Можно, конечно, но ведь у нее дочь... и муж симпатичный.

ПРОХОРОВ. Симпатичный.

КЛЯГИН. Как же быть?

ПРОХОРОВ. Не знаю. Потому и мучаюсь!

КЛЯГИН. Как же тебя угораздило?

ПРОХОРОВ (*вздыхнув*). Угораздило!.. Сразу-то, внешне, она даже и не очень мне понравилась. А как вот поговорили с ней... ну, вернее, как она со мной поговорила... объяснила мне все про смысл жизни... Это еще там, в Краснодаре. Так я и влюбился. Жутко! Даже пить бросил... Я-то раньше зашибал, а как с ней познакомился, все – завязал!.. И без вина как под балдой хожу! Правда. Вот думаю про нее – и балдею...

КЛЯГИН. Ну дела! (*Покачивая головой*.) Тебе бы, вообще, не стоило, Миш. Тебе б что попроще! Как феномену тебе нельзя! Вредно для здоровья.

Открылась дверь, в номер быстро вошел Иванов с портфелем подмышкой.

ИВАНОВ (*Прохорову и Клягину*). Добрый вечер!.. Извините, мне никто не звонил?

КЛЯГИН. Нет.

ИВАНОВ. Благодарю! (*Скрывается в своей комнате*)

ПРОХОРОВ. Ладно, Клягин, черт с тобой, оставайся, но на показ не пушу!.. Сам откажешься! Придумай что-нибудь, чтоб Елену Петровну не расстраивать... Больным прикинься или еще как. Понял?

КЛЯГИН. Понял. Понял. Все понял. А эрудицию мою, Миш, ты используй, очень советую. Я тебе много интересного расскажу. Ты знаешь, например, что мозг человека весит полтора килограмма?

ПРОХОРОВ. Нет.

КЛЯГИН. А вот теперь будешь знать... Нет, Миш, я пригожусь. Твои полтора да мои полтора – это уже три, верно?

ПРОХОРОВ. Верно. Только ты сейчас ко мне не цепляйся, я пойду покурю. Подумать мне надо.

КЛЯГИН. Ну, подумай здесь. Я мешать не буду.

ПРОХОРОВ (*кивнув в сторону комнаты Иванова*). Не хочу при нем!

КЛЯГИН. А!. Правильно. При нем думать не стоит! Ты в холле погуляй, Миша! Метров за сто!.. Думаю, на таком расстоянии он без антенны не потянет...

ПРОХОРОВ выходит.

(*Подходит к двери спальни, стучит.*) Товарищ телепат!

ИВАНОВ (*из-за двери*). В чем дело?

КЛЯГИН. Елена Петровна приходила. Просила вам передать, чтобы вы меньше бегали, а больше отдыхали.

ИВАНОВ. Мило с ее стороны! Очень мило. А кто работать будет?

КЛЯГИН. Она еще сказала, что показ завтра в двенадцать ноль-ноль. Так что уж соберитесь!

ИВАНОВ. Соберусь! Я раньше соберусь. У меня в одиннадцать самолет.

КЛЯГИН (*удивленно*). Как?.. Да вы что?.. Товарищ телепат...

ИВАНОВ (*раздраженно*). Слушайте, перестаньте обзывать меня этой идиотской кличкой! Я не рысак! У меня есть имя и фамилия – Иванов Евгений Семенович!

КЛЯГИН. Знаю, что Иванов. Но разве вы не телепат?

ИВАНОВ. Инженер я, голубчик! Инженер! Чего так удивились? Бывает. Сейчас все в основном телепаты, но кое-где есть еще и просто инженеры!.. Работать же кому-то надо. Вот я и приехал в Москву по делу! В командировку! А номер мне, конечно же, забыли забронировать...

Работнички! Хорошо, у меня фамилия ходовая – Иванов. В любую гостиницу приди, спроси: на Иванова бронь есть? Обязательно есть! Это, по-моему, так специально делают. Для удобства. Обязательно есть бронь на того Иванова, которому она не нужна, чтоб тот Иванов, которому она нужна, мог приехать и ее получить! Вот и приходится временно с вами сосуществовать, друзья мои... Ненаглядные!

КЛЯГИН (*задохнувшись от возмущения*). Вы что?.. Вы зачем же Елену Петровну обманули?

ИВАНОВ. Не знаю я никакой Елены Петровны! А не сказал, потому что спать на вокзале не намерен. И телефон мне нужен. Дело у меня в Москве, понимаете? Срочное дело! У меня предприятие в простое! Только это никого не волнует!!! Волнует вот... всякая хиромантия!

КЛЯГИН. Вы не выражайтесь!

ИВАНОВ. Я не выражаюсь! Я научно определяю ту ерунду, которой вы занимаетесь. Вся ваша парапсихология – это, извините меня, чушь на постном масле. Вот вы кто?

КЛЯГИН. Я?.. Трансфокальщик.

ИВАНОВ. Кто?

КЛЯГИН. Через стенки смотрю.

ИВАНОВ. Так... Интересно. А дружок ваш?

КЛЯГИН. Мишка? Он – телекинезщик. Предметы двигает...

ИВАНОВ. Какие предметы?

КЛЯГИН. Ну, там спички... вазу может.

ИВАНОВ. Это что ж, профессии у вас такие?

КЛЯГИН. Зачем?.. Я, вообще-то, слесарь... шестого разряда. А Мишка, он – шофер.

ИВАНОВ (*в отчаянии*). Товарищи, дорогие мои! Да что же это делается?! У нас слесарей не хватает, грузовики без шоферов простаивают, а тут сидят два бугая, один спички перекачивает, а другой из-за стены смотрит!!! Ну народ! Никто работать не хочет! Так и норовят все в спортсмены, в самодеятельность. А работать-то кто будет? Работать-то кто?!

КЛЯГИН. Да подождите вы с работой! Тут поважнее дела... С космосом контакт установить не можем...

ИВАНОВ (*перебивая*). Ну конечно! Космос! Все в космос хотят! А на Земле кто останется? Вот один такой дурак Иванов останется и будет вкалывать...

КЛЯГИН (*не слушая*). Бедная Елена Петровна!.. Что ж с ней-то будет, когда узнает? Эх! Выходит, на одного Мишку теперь надежда!

Без стука открылась входная дверь, появился невысокий, угрюмого вида человек лет сорока. В руках он держал спрятанное в чехол охотничье ружье. Это – АНТОН.

АНТОН. Извините. Прохоров тут проживает?

КЛЯГИН. Тут.

АНТОН. А где он?

КЛЯГИН. Вышел покурить. Сейчас придет.

АНТОН. Что ж... Подождем!

АНТОН осмотрел комнату, взял стул, снял чехол с ружья и начал его собирать. КЛЯГИН и ИВАНОВ с удивлением наблюдали за его работой.

ИВАНОВ (*тихо*). Сумасшедший дом какой-то... (*Антону.*) Извините, товарищ... Вы, случайно, здесь не охотиться собираетесь?

АНТОН (*усмехнулся*). А что?

ИВАНОВ. Ничего, конечно... Но вроде бы еще сезон не открыли.

АНТОН. Не бойтесь! Это к вам не относится. Мне с Мишей поговорить надо!

КЛЯГИН. Ну и поговори. Ружье-то зачем?

АНТОН. А ружье – чтоб не только я его слушал, но и он меня!

ИВАНОВ. Простите... Вас случайно не Антоном зовут?

АНТОН. Антоном.

ИВАНОВ. Так!.. Теперь ясно. Мне друг ваш, Прохоров, что-то говорил про вас... По-моему, он собирался вас побить.

АНТОН (*со вздохом*). Не друг он мне, а наоборот – брат. И не побить собирается, а убить. (*Достал из сумки два патрона, вложил в стволы, щелкнул затвором.*)

КЛЯГИН и ИВАНОВ отшатнулись.

КЛЯГИН. Ну, ну... Ты, псих! Товарищ дорогой, поаккуратнее!

АНТОН. Ничего! Я с ним поговорю. Вы – свидетели, если что... Если буду стрелять, то – вынужденная самооборона! Мне так адвокат сказал: не бойся, Антон, сейчас вынужденную самооборону очень приветствуют! Я в газете

читал, один методом вынужденной самообороны уже троих уложил... И ничего! Только почет и уважение!

ИВАНОВ. Да перестаньте размахивать ружьем! Не в лесу! Если вам угрожают – обратитесь в милицию.

АНТОН. Угрожают?! Да он четыре попытки убийства моего сотворил, а вы – «угрожают»...

ИВАНОВ. Тем более – в милицию!

АНТОН. И чего я там скажу?.. Что на меня весной сосулька упала? В два килограмма... Вот так, рядом пролетела... Что люстра в ресторане оборвалась и именно на мой столик грохнулась – это я, что ли, скажу?.. Говорил. Участковый до сих пор смеется... Они ж не знают способностей брата моего. А он, бандит, продолжает! Сегодня утром меня чуть «жигуленком» не задавил!

ИВАНОВ. Чей «жигуленок»?

АНТОН. Мой. Я его на домкрат поставил, полез под него задний мост проверить, а он – р-р-р-раз – и упал!!! Ведь на сантиметр не дотянул, гад, а то бы раздавил, моим же собственным «жигуленком» раздавил бы...

КЛЯГИН (*соображая*). Подожди, подожди. Ты что ж... думаешь, это – Мишка? Мыслью?..

АНТОН. А кто же?

ИВАНОВ. Господи, какая чушь!

АНТОН. А кто же?

ИВАНОВ. Да никто! Случайно! Само!

АНТОН. Само?! Что ж все на меня-то «само»? Почему на других «само» не падает, а на меня – все «само». То люстра, то балка, то кирпич с крыши, а теперь машина собственная... Ну нет, я этого больше терпеть не буду. Я уж и так хожу нервно дергаюсь. Я не теленок, чтоб ждать, пока меня где-нибудь в метро «само» потолком придавит! Я с Мишкой поговорю. Либо он прекратит покушения, либо я его...

КЛЯГИН. Да за что он на тебя ополчился?

АНТОН. Завидует! Я в жизни кое-чего добился, живу вот тут, в Москве, дом, машина... А он как был жлоб-шоферюга, так и остался! Вот и мстит!

КЛЯГИН. Да вроде он не такой парень. Непохоже...

АНТОН (*возмущенно*). Я-то лучше знаю! У кого, в конце концов, брат бандит? У вас брат бандит? Или у меня брат бандит?

ИВАНОВ. У вас, у вас брат бандит, успокойтесь!.. И все равно, стрельба – это не метод. Что за самосуд! Не в джунглях!

КЛЯГИН. Да уж. Слава богу, не на Западе живем!

ИВАНОВ. Может быть. Но не в этом суть! (*Антону.*) Поговорить надо спокойно! Выяснить! Товарищи! Двухтысячный год скоро, а мы как дикари все хотим «пух-пух» решить!.. Поговорить надо!

АНТОН. Он меня и слушать не будет.

ИВАНОВ. Ладно. Для начала я с ним поговорю... (*Клягину.*) Посмотрите, он не возвращается?

КЛЯГИН (*вглядываясь в стену*). Вроде пока не видно...

ИВАНОВ (*резко*). Не валяйте дурака! Выгляните и посмотрите как положено!

КЛЯГИН (*обиженно*). Ну вот, сразу недоверие, сразу оскорбления. (*Открыл дверь, тут же закрыл, испуганно.*) Идет!!! Идет!!!

ИВАНОВ (*Антону*). Быстро в спальню. И сидеть как мышь, чтоб ни звука! И ружьем не махать! (*Клягину.*) Вы тоже – в спальню!

КЛЯГИН. Я лучше здесь. Я на Мишу положительно действую...

ИВАНОВ. Зато на меня отрицательно! Идите, говорят!

АНТОН и КЛЯГИН скрываются в спальне. Появляется ПРОХОРОВ.

(*Робко.*) Добрый вечер, Миша!

ПРОХОРОВ. Вроде бы уже виделись.

ИВАНОВ. Действительно... Миша, ничего, что я вас – Миша? Меня можно тоже просто – Женя. Так вот, Миша, я все тут думал по поводу того, что вы думали... В смысле Антона... Может, не стоит его, а?

ПРОХОРОВ (*решительно*). Стоит!

ИВАНОВ. В тюрьму ведь сядете.

ПРОХОРОВ. Пускай!

ИВАНОВ. М-да. Дело-то, видно, серьезное... Но все равно, как же так, родного брата?.. Жалко ведь...

ПРОХОРОВ (*возмущенно*). Ну зачем же так говорите? Когда сами все знаете!

ИВАНОВ. Спокойно! Спокойно! Я не все знаю...

ПРОХОРОВ. Вы же читали мои мысли?

ИВАНОВ (*замявшись*). Читал... Но не до конца.

ПРОХОРОВ. До какого места?

ИВАНОВ (*несколько раздраженно*). Не знаю, до какого места! Вы поймите, дорогой, это ведь не так-то просто. Москва – огромный город,

восемь миллионов населения, и все думают. Довольно напряженно думают! Тут не дозвониться до человека, не то что до его мыслей докопаться! Я понимаю, что вы озлоблены против брата. Он мне тоже внешне несимпатичен, но что из этого?

ПРОХОРОВ. Он здесь? *(Рванулся к спальне.)*

ИВАНОВ *(перехватил его)*. Стой!.. Никого там нет!..

ПРОХОРОВ. А где ж вы его видели?

ИВАНОВ. В голове у вас – вот где!.. Вы его образ представляли, я этот образ перехватил...

ПРОХОРОВ. Ну и как он выглядит?

ИВАНОВ. Среднего роста... Брюнет... С пробором... Носик остренький. Глаза воспалены... В синем пиджачке...

ПРОХОРОВ *(восхищенно)*. Здорово!

ИВАНОВ. Стараемся как можем!..

ПРОХОРОВ. А я его иногда таким хорьком представляю, не обратили внимания?

ИВАНОВ. Не обратил!

ПРОХОРОВ. Нет, здорово! Вы – феномен так феномен! Если уж действительно, как Клягин предполагает, контакт с космосом готовится, то лучше всего вас послать!

ИВАНОВ *(нервно)*. Ой! Не надо меня посылать в космос! Не надо! Мне бы вот тут с вами, на Земле, разобраться, и чтоб предприятие у меня план давало... Все! Так! Давай вернемся к брату!.. Только, знаете, кончаем этот сеанс гипноза. Вы уж, будьте добры, все по порядку.

ПРОХОРОВ. Чего по порядку?

ИВАНОВ. То есть как чего?.. Не дикарь же вы в самом-то деле! Хотите убить живого человека и не можете объяснить – почему?

ПРОХОРОВ. Могу!

ИВАНОВ. Ну и объясните! И не как телепату, а как нормальному гражданину. Все! Я сейчас нормальный человек! У меня в мозгу перерыв!..

ПРОХОРОВ. Ну, чего рассказывать?.. Мы с братом давно расстались! Я его всегда не любил, он меня тоже... Хотя он способный! Феномен вроде меня. Тоже предметы умеет двигать. Только я от себя двигаю, а он – все к себе! Ну, не в этом соль!.. Отсудил он у нас с матерью полдома, продал их. Женился, подался в Москву. Работал здесь, говорят, хорошо зарабатывал, химичил чего-то. Но мне на все это наплевать! Понимаете... Он матери и рубля не посылал, да я б и не просил! Мы с ней вдвоем хорошо жили, славно, от него – только телеграмма на Восьмое марта, да и то не всегда. И тут,

примерно полтора года назад, вдруг прикатывает. С цветами! «Мама, переезжай ко мне! Я не могу, тоскую!» И жена с ним рядом: «Анна Степановна, вы мне родной человек! Умоляю, поживите с нами!» Я заподозрил неладное, но в толк не возьму, в чем дело-то? Если б у них дети были, подумал – как няньку хотят использовать, а то ведь и детей нет. «Поедем, мама, – кричит, – пожила с одним сыном, теперь давай с другим». Мать говорит: «Антоша, не пропишут!» Он говорит: «Пропишут! Вы, мама, вдова солдата, отец под Москвой воевал». Все продумал, гадина... Понимаете, отца вспомнил!

ИВАНОВ. Ты спокойнее, Миша, спокойнее!..

ПРОХОРОВ. Не буду спокойней. Не могу!.. Отправил я их, думаю, ладно, действительно, мать – одна на двоих, пусть с ними поживет, а она... Она, понимаете, значит, примерно через... восемь месяцев... значит... вот и умерла. Я прилетел: как? что?.. Умерла! Похоронили!.. И потом я, значит, узнаю, понимаете, что он, понимаете, про все это пронюхал заранее. Понимаете? Она когда-то в поликлинику нашу краснодарскую пошла на рентген, и ей диагноз плохой поставили. Я про все это еще не знал, а он как-то узнал, через медсестру. Медсестра там работает, родня его жены. Узнал и прилетел. Понимаете?! Так совпало, что ему с женой должны были квартиру давать, и он решил, значит, мать как девять метров использовать! Понимаете? Ее лечить можно было, операцию сделать, но он все скрывал... Зачем, мол, тянуть-то... Возиться, понимаете? Зачем? Просто использовал как девять метров, а дальше – чем скорей, тем лучше! Я когда узнал, у меня в глазах потемнело. Как быть? Что делать, а?.. Что, просто проскочить мимо, да? Забыть?.. Вот вы умный человек, интеллигент, феномен, мысли человеческие понимаете... Скажите, как быть?.. По закону – говорите. А если нет здесь закона, что ж, прощать это можно?.. Объясните! Мне в школе объяснили, что Бога нет, а только недосказали, как обходиться без него в таких случаях! Ну, что молчите? Советуйте!

ПРОХОРОВ расхаживал по комнате, а вокруг него в каком-то странном возбуждении раскачивались предметы, скрипели двери и рамы, шевелились занавески. Только ИВАНОВ этого не замечал, он сидел задумавшись.

Спокойней, говорите?.. Ну нет! Мне Елена Петровна, она чудный человек, я ее уважаю и люблю, и она: спокойней, Миша, спокойней, вы, мол, особенный человек! А мне плевать, что я особенный, человеком бы быть – и то спасибо! И если Антон Бога не побоялся, то от меня ему не скрыться, потому что я все время о нем думать буду. И пусть пригибается под моими мыслями, пусть ходит и вздрагивает, потому что рано или поздно я его накрою!!! И я его!..

ПРОХОРОВ напрягся, заскрипел зубами, сжал кулаки. Раздался раскат грома. Вспышка молнии. В спальне раздался треск. Крик. Дверь распахнулась, оттуда выскочил *КЛЯГИН*.

КЛЯГИН. Товарищи! На помощь! Человека шкафом задавило!!!

Иванов бросается к спальне.

ИВАНОВ. Михаил! Михаил!.. Без рук!.. Мыслью...Только мыслью!!!
Только мыслью!!!

ПРОХОРОВ бежит в спальню. Все трое скрываются за дверью. На шум входит *ДЕЖУРНАЯ*.

ДЕЖУРНАЯ (оглядев номер). Ну просила же мебель не сдвигать! Просила же... (Вздыхнув, включает телевизор, расставляет мебель по местам; села, смотрит.)

Затемнение.

Часть вторая
Картина третья

Утро следующего дня. Тот же номер гостиницы. ПРОХОРОВ лежит в кровати, его голова забинтована полотенцем. Из ванной появляется *КЛЯГИН*. Он только что принял душ, у него прекрасное утреннее настроение.

КЛЯГИН (*Прохорову*). Гутен морген... Гутен морген, майн либен фройнд!
Ви шлафен зи?.. Вас махт ин дер нахт?

ПРОХОРОВ. Очумел, что ли?

КЛЯГИН. Почему? Я с тобой по-немецки разговариваю.

ПРОХОРОВ. Зачем?

КЛЯГИН. Для эрудиции. В школе какой язык учил?

ПРОХОРОВ. Английский.

КЛЯГИН. Извини! Ладно. Давай по-английски. Гуд монинг, май френд.
Хау ду ю слип ди найт?

ПРОХОРОВ. Ты что ж, на всех языках можешь?

КЛЯГИН. Нет. Только в объеме третьей программы... По телевизору есть третья программа. Учебная. Смотришь?

ПРОХОРОВ. Не-а.

КЛЯГИН. Напрасно. Там много поучительного. Лекции разные. Фильмы для глухонемых... А бывают наши фильмы, но на иностранных языках. Знаешь, Миша, очень интересный эффект!.. Вот я одно кино недавно смотрел: когда по-нашему говорят, ну, полная мура, а когда не по-нашему, уже ничего... Смотреть можно!

ПРОХОРОВ. Не тарахни ты, Сергей Андреевич! И так башка трещит.

КЛЯГИН. Таблеточку прими.

ПРОХОРОВ. Принимал.

КЛЯГИН. Еще, еще прими. А спал как?.. Кстати, я ж тебя по-английски спрашивал: как ты спал? Хау ду ю слип ди найт? Как спал?

ПРОХОРОВ. Никак не спал... Ноу! (*Привстал, застонал, хватается за голову.*) Ну просто разламывается башка! Черт его вчера принес, Антона-то. Я ведь не собирался им до показа заниматься. Я думал – после.

КЛЯГИН. Но вчера ты ему здорово вмазал! Молодец! Знаешь, когда ты разволновался, Антон ружье поднял и хотел выскочить, а тут его шкафом в спину – р-р-раз! Он рванулся, а его еще стулом – р-раз! Молодец, Миша! Просто молодец! (*Поднял валявшееся у стены ружье.*) Гляди-ка! Так драпанул отсюда, что и ружье бросил. На, возьми, Миш!

ПРОХОРОВ. Ну его к лешему! Ничего мне от него не надо.

КЛЯГИН. Возьми! Хорошее ружье. Имеешь право: боевой трофей! Дома на стенку повесишь! Или нет, на стенку не вешай! Плохая примета! Чехов говорил: если на стене в первом акте висит ружье, то в четвертом оно должно выстрелить.

ПРОХОРОВ. Что значит «в акте висит»?

КЛЯГИН. Этого, Миш, я не понял. Я, Миш, это по радио слышал. В такси. Ехал с аэродрома, а Чехов в такси про это и говорил. Я запомнил. А еще он говорил, что воспитанный человек не тот, кто не прольет соус на скатерть, а тот, кто не заметит, если это сделает кто-нибудь другой. Вот что он говорил.

ПРОХОРОВ (*раздраженно*). Кому говорил-то?

КЛЯГИН. Не знаю. Вообще говорил. Думаю, к народу обращался, к общественности!

ПРОХОРОВ. Ну что ты за человек, Клягин! Что ты мне голову забиваешь?

КЛЯГИН. Почему «забиваю»?.. Я тебе пищу даю для размышлений... Елена Петровна говорила, это полезно перед показом... Чехов-то прав.

Считаем себя культурными людьми, а ведь, не дай бог, кто-нибудь соус на скатерть прольет...

ПРОХОРОВ (*в отчаянии*). Да замолчи ты!.. Не пойду я ни на какой показ! Неужели не понимаешь?

КЛЯГИН (*опешил*). Как?

ПРОХОРОВ. Ну куда я пойду?.. Еле на ногах стою! Куда мне в таком состоянии комиссии показываться! Позориться только... Сломался я, понимаешь? Сломался!.. Мне теперь неделю пластом лежать, чтоб в форму прийти... Ах, Антон! И тут, стервец, напакостил!.. Такое дело сорвал!.. Перенапрягся я из-за него, понимаешь?.. Уж если я шкаф сдвинул, значит, вся сила из меня ушла. Я ведь раньше-то никогда шкафы не мог, понимаешь?

Пауза.

КЛЯГИН (*нерешительно*). Вообще-то, Миша, если откровенно говорить, я тоже слегка помог.

ПРОХОРОВ удивленно уставился на КЛЯГИНА.

ПРОХОРОВ. Что?!

Клягин (*поспешно*). Нет, нет... В основном, конечно, ты... Но когда ты стал про мать рассказывать, я, знаешь, тоже разволновался, а Антон, он с ружьем наперевес хотел выскочить, ну, я его шкафом-то сзади и прижал!.. А потом, стало быть, стулом... Но, конечно, в основном – ты! Ты!

ПРОХОРОВ (*мрачно усмехнулся*). Во как!.. Значит, и сломался-то понапрасну!.. Ну дела! Верно Елена Петровна говорит: самое страшное, когда хорошая голова дураку достается!.. Как я ей в глаза-то посмотрю?.. Ведь просила же она, со слезами просила... Вечер один выдержать!.. И то не смог! Ах ты, черт!.. Таковую женщину подвел!.. (*Вскочил.*) Все! Уезжать надо. Срочно! (*Схватил чемоданчик, стал быстро собирать вещи.*)

КЛЯГИН. Подожди! Ну что ты как с цепи сорвался?

ПРОХОРОВ. Нечего ждать. Поехали.

КЛЯГИН. Как – поехали? И я?

ПРОХОРОВ. А ты как думал? Давай, давай собирайся!

КЛЯГИН. Что ты, Миша? Мне платье надо в ГУМе обменять.

ПРОХОРОВ. По дороге обменяем! Собирайся! Быстро! Быстро!

КЛЯГИН. Ты только не гони!.. У меня багаж большой, уложиться надо. Вот черт сумасшедший! *(Достает чемодан, начинает укладывать в него большое количество свертков, коробок, консервных банок и прочее.)*

ПРОХОРОВ *(усмехнувшись)*. Запасся!

КЛЯГИН. Чего?

ПРОХОРОВ. Я говорю, много углядел-то... по разным углам.

КЛЯГИН *(обиженно)*. Эх, Миша, ничего-то ты не понимаешь. Думаешь, я для чего сюда приезжал?

ПРОХОРОВ. Ясно для чего – ГУМ обследовать!

КЛЯГИН. Глупость говоришь. Извини, конечно, Михаил. Прimitивно рассуждаешь. У меня дальний прицел был. Я порядок хотел вокруг навести! Порядок! Ты верно вчера кричал: Бога отменили, народ и распустился. С работы каждый тащит. Кругом – распушенность! Каждый болтает что хочет. А все почему? Некого бояться. Знают, что никто не видит, вот, стало быть, и бояться нечего!.. А я подумал: ну нет, голубчики, будет над вами всеми присмотр. Мой пронзительный взгляд! Недремлющее око мое!.. От него никому не спрятаться! Вот для какой цели великой, Миша, я начал через стенки смотреть!.. ГУМ, ЦУМ – это так, хобби. Побочная отрасль. А основное – порядок!.. Ох, мне бы справочку – я бы показал.

ПРОХОРОВ. Хватит философию разводить!.. Без твоего порядка обойдемся... Собирайся!

Открывается дверь спальни. Появляется Иванов с чемоданчиком в руках.

ИВАНОВ. Ну что, дорогие соседи, будем прощаться, а?

ПРОХОРОВ. Мы тоже уезжаем, товарищ Иванов.

ИВАНОВ. Да?.. А как же этот ваш конгресс... психоаналитиков – или как там его?

ПРОХОРОВ. Отменяется!

ИВАНОВ. Ну, как говорится, и на том спасибо. Уже хорошо.

ПРОХОРОВ. Чего же хорошего?

ИВАНОВ. Одной липой меньше. У меня теория такая: всякая несостоявшаяся липа – уже большая польза для страны. Я бы за некоторые сорвавшиеся прожекты людям премии давал бы, ей-богу! Вот, скажем, заложили у нас в городе предприятие, один фундамент заложили... А потом – р-раз, бросили! Их в газетах кроют, а я считаю – молодцы!.. Так бы мучились, строили, потом бы оно долго-долго государству убытки приносило, а так в самом зародыше пресеклось. Я это называю – экономический аборт. Очень полезная процедура.

КЛЯГИН. Интересные мысли у вас.

ИВАНОВ. А мысли – они всегда интересные, если это... мысли. Продукт ума, а не другого места. Вот так-то! Ну что? Будем прощаться? Или вместе поедем? У меня такси заказано.

КЛЯГИН. Вместе. Вот только уложусь.

ИВАНОВ. Ну, ну... Подождем. *(Уселся на стул.)*

ПРОХОРОВ. Вообще-то, нам бы адресами поменяться.

ИВАНОВ. Зачем?

ПРОХОРОВ. Переписываться можно. В гости друг к дружке ездить.

ИВАНОВ. Это необязательно... Встретимся еще как-нибудь. Как говорится, пересечемся...

ПРОХОРОВ *(чуть обиженно)*. Как хотите! Я в друзья не напрашиваюсь.

ИВАНОВ. Вы не обижайтесь, Михаил. Я ведь правду сказал. Не люблю этих пустых формальностей: адреса, в гости... Я вам не напишу, вы мне не напишете. Закрутимся! Это проверено. У меня лично – дел по горло! Целый день как белка в колесе... На дружбу времени не остается!

КЛЯГИН. Так ни с кем и не дружите, что ли?

ИВАНОВ. Почему? Дружу... кое с кем. Но недолго. Вкратце! Раз в месяц, больше не получается. Заскочишь на часок, подружишь, и все – разбежались.

Стук в дверь. Входит ЛАРИЧЕВ. Он, как всегда, пребывает в некотором нервном возбуждении.

ЛАРИЧЕВ *(приветливо)*. Доброе утро, товарищи!

КЛЯГИН *(недружелюбно)*. Гутен морген! *(Защелкнул чемодан, затянул ремень.)*

ЛАРИЧЕВ *(увидев Иванова)*. Вы товарищ Иванов?..

Тот молча кивнул.

Давайте знакомиться: Ларичев Олег Николаевич. Очень, очень приятно!

ИВАНОВ *(равнодушно пожимая руку)*. Взаимно! *(Клягину.)* Вы готовы?

КЛЯГИН. Готов. *(Взял чемодан в руки, авоськи.)* Ну, трогаемся?

ЛАРИЧЕВ *(растерянно)*. Товарищ, извините, вы куда?

КЛЯГИН. Домой.

ЛАРИЧЕВ. Как?

КЛЯГИН. Вы же сами просили: «Уезжайте, милые, уезжайте, я проезд в оба конца оплачу!» Вот мы и уезжаем. Так что можете смело бежать.

ЛАРИЧЕВ. Куда бежать?

КЛЯГИН. На сто метров за одиннадцать секунд!

ЛАРИЧЕВ (*занервничал*). Если это шутка, то сейчас она, извините, неуместна!

КЛЯГИН. Товарищ Ларичев, только прошу, без нервов! Если у вас опять приступ начнется и вы через окно будете уходить, то предупреждайте! Потому что мы тоже люди нервные и можем это неверно понять. (*Пошел к двери.*)

ЛАРИЧЕВ (*преградил путь*). Товарищи! Как же так можно? Что за безответственность? Вас ждут люди. У вас в двенадцать ноль-ноль комиссия.

ПРОХОРОВ. Вам-то что волноваться? Сами же говорили, что мы – жулики.

ЛАРИЧЕВ. Ну хорошо... Ну мало ли что говорил... Извините, ради бога! Зачем обижаться?

КЛЯГИН. И с точки зрения физики, говорили, мол, все это невозможно!

ЛАРИЧЕВ. Зачем цепляться за слова?.. Почему невозможно? Все возможно. На каждый довод есть антидовод на каждую теорию – антитеория!.. Идет спор! Одни считают – невозможно, другие – возможно!

ПРОХОРОВ (*усмехнувшись*). Вы-то кто, «один» или «другой»? Или у вас просто: утро вечера мудренее?

ИВАНОВ. Да уж! Как говорится, товарищ принципиально беспринципен.

ЛАРИЧЕВ. Ну при чем тут принципиальность?.. Все сложнее. Обстоятельства меняются... (*Замялся.*) Ладно. Скажу. Дело в том, что Елена Петровна заболела...

ПРОХОРОВ (*испуганно*). Что с ней?

ЛАРИЧЕВ. Ну, вообще, сейчас, можно сказать, ничего страшного. Но был сердечный приступ! Мы дома... немножко повздорили... поспорили, ну, короче, не в этом суть... и был приступ! Врач велел лежать, у нее кардиограмма подозрительная... Понимаете? Вот. А она, конечно, только про вас и думает. И я пообещал сопровождать вас на комиссию. Я ей дал слово!.. Я просто поручился!.. Там вас ждут, в журнале...

Пауза.

ПРОХОРОВ. Олег Николаевич! Но мы действительно не можем идти. Никак!

ЛАРИЧЕВ. Почему? Вчера могли – сегодня не можете?!

КЛЯГИН. Сегодня – не можем!

ЛАРИЧЕВ. Да что за глупость?.. Тоже, знаете ли, не очень принципиальный подход.

ПРОХОРОВ. Сами же говорили: обстоятельства меняются. Я, например, перенапрягся!.. Вам долго объяснять, что да почему, но – перенапрягся... И теперь обессилел. Во, глядите – еле чемоданчик держу в руках. А Клягин, он-то вообще – жулик! (*Клягину.*) Сергей Андреевич, подтверди!

КЛЯГИН. Жулик!

ЛАРИЧЕВ. Зачем же так, товарищи? Обиделись, понимаю, но издеваться-то зачем? Зачем?

КЛЯГИН. Ну честное благородное слово: я – жулик!.. Вот дрель у меня, глядите. Я ею дырочки незаметно сверлю...

ЛАРИЧЕВ (*саркастически*). Дырочки?.. Интересно! Еще какие сообщения поступят?

КЛЯГИН (*раздражаясь*). Вам русским языком говорят: я через стены не вижу! У меня, если начистоту, вообще зрение слабое! Минус три! Я вот сейчас на вас смотрю, и вы у меня – нечеткий! Расплывчатый!

ЛАРИЧЕВ. Очень любопытно! Так... (*Иванову.*) А вы, товарищ, судя по этой комедии... по этому вашему сговору... очевидно... вообще не тот человек? Другой Иванов, да?.. Попали сюда случайно!.. Телепатией никогда не занимались и заниматься не хотите? Так? Ну, говорите!

ИВАНОВ (*пожав плечами*). Я бы сказал, но не хочу повторяться.

ЛАРИЧЕВ (*закрыв яйца руками*). Ничтожество! Ничтожество!

ИВАНОВ (*грозно*). Товарищ, я попросил бы!..

ЛАРИЧЕВ. Это я про себя.

ИВАНОВ. Про себя – пожалуйста! Про себя – сколько угодно!

ЛАРИЧЕВ. Ничтожество! Сам ничтожен, но весь ужас в том, что ничтожный человек не может успокоиться, пока и остальных не сделает ничтожными... Лилипут – вот кто я! Лилипут, который хочет быть правофланговым в строю... (*Схватился за голову.*) Ах, Леночка, что же я натворил? Ах, негодяй! Вы что же это? Вы тоже хотите стать такими же, как я? Да? Вот! Смотрите!.. А ведь я-то был кто? Почти гений! Я был феномен, не чета вам! (*Кричит.*) Я СОЛНЦЕ ОЩУЩАЛ! Понимаете? Я НА СОЛНЦЕ РЕАГИРОВАЛ! А потом сломался и солнце продал...

КЛЯГИН. За сколько?

ЛАРИЧЕВ (*бросается на КЛЯГИНА, его удерживает ИВАНОВ*). Ну, вы! Остряк!

ИВАНОВ. Спокойно! Спокойно! Не надо так. Давайте-ка сядем, друзья мои, в ногах правды нет. А вы, уважаемый товарищ Ларичев, спокойно,

внятно расскажите, в чем дело?.. Как это вы солнце продали? Кому, зачем?.. Это всем нам очень интересно, особенно если учесть, что внизу стоит такси, а счетчик щелкает... И плачу? я... Рассказывайте, дорогой, рассказывайте!

ЛАРИЧЕВ (*не замечая иронии*). Меня ведь тоже Лена нашла. Как и вас. Да, не стесняюсь, нашла, как гриб в лесу. Я тогда был студентом, университет заканчивал. Она-то мне и подсказала тему научной работы: о влиянии солнечной импульсации на биологические процессы. Сейчас эта теория, как говорится, и ежу ясна, а тогда она еще была довольно спорной... Я доказывал, что пульсация солнца, возникновение на нем взрывов, пятен резко влияет на все живое... Например, эпидемии возникают... Сердечно-сосудистая недостаточность... Ну, долго рассказывать... Но дело-то не в этом. Гениальность моя была в другом, в том, что я сам – Олег Ларичев – был от рождения отличным биологическим индикатором. Я своим телом, каждой клеточкой кожи мог ощутить приближение солнечной вспышки. Раньше любой обсерватории... Понимаете?.. У меня начинался внутренний озноб. Дрожь какая-то! Такой феноменальной способностью обладает только еще одна порода рыбок... В Индийском океане. Но от нее, от рыбы, какой прок, она же молчит, а я-то, Олег Ларичев, мог бы предсказывать вспышки. Вы понимаете, что это могло означать в масштабах Вселенной?! А я?! А я – испугался. Меня после университета распределили в НИИ. Хорошее НИИ... Перспективное! Все условия. Квартиру дали. Только директор НИИ считал мои исследования о влиянии солнечных вспышек лженаукой. У него про это уже брошюра была готова... Он вообще был главный специалист по «лженаукам»... Просто наука его мало интересовала, ему главное – с «лже» схватиться!.. Соображаете? У него – брошюра в наборе, а тут, некстати, я со своей работой, с внутренним ознобом!.. Он меня вызвал и говорит: вот что, дорогой Олег, либо быть феноменом, либо – перспективным ученым. Хотите у нас работать? Работайте! Но без всякой «внутренней дрожи»!.. А нет – тогда вон отсюда на все четыре стороны, и будете с семьей питаться, как листочек хлорофиллом!!! Вот так я и затих... М-да!.. Стал просто кандидатом неизвестно каких наук... Потом, через несколько лет, директор от своей брошюры публично отрекся, а мне уж было поздно. Поскольку я свою феноменальную способность утратил... На солнце сейчас почти не реагирую. Совсем... Немножко чешусь разве... Аллергия!.. Да вот еще смотреть на него долго не могу. И не потому, что глазам больно, а потому что – стыдно! Вот так... (*Пауза.*) Так что вы уж с меня пример-то не берите. Вы идите до конца. Чтоб потом не жалеть, не стыдиться! Лена очень на вас рассчитывает. И я обещал! Если вы не покажетесь в журнале, она решит, что это опять из-за меня... Что это я вас отговорил... Она узнала, что я вчера к вам приходил... Пожалуйста!.. Ну, что вам стоит?.. Умоляю!..

КЛЯГИН. Да вы поймите...

ЛАРИЧЕВ (*перебивая*). Нет! Нет! Подумайте. Потом примите решение!

Пауза. Все сидят задумавшись.

ИВАНОВ. Да... Такие дела. И надолго вся эта хиромантия? Я имею в виду – комиссия ваша надолго рассчитана?

ЛАРИЧЕВ. Часа полтора, не больше!..

ИВАНОВ. Стало быть, на вечерний рейс успею?

ЛАРИЧЕВ. Разумеется.

ИВАНОВ. Ну тогда пошли! *(Встает.)*

ПРОХОРОВ *(испуганно)*. Да вы что?

КЛЯГИН *(тоже нерешительно)*. Куда это вы собрались? Товарищ Иванов?

ИВАНОВ. Прошу обращаться ко мне как полагается: товарищ телепат!

КЛЯГИН. Никакой вы не телепат!

ИВАНОВ. Молчать!!! Вас забыли спросить... Инженер я, голубчик, инженер, а инженер на современном этапе развития не может не быть телепатом!.. Ему важно угадать, что начальство думает, что мастер думает, что местком думает... Потому что вокруг него все думают, а работает он один, и приходится угадывать мысли, чтобы работа шла! И ничего, слава богу, двадцать лет кручусь, одни благодарности. А тут, подумаешь, – комиссия! Я этих комиссий знаете по цеху сколько провел! *(Ларичеву.)* Так. Что надо будет делать?

ЛАРИЧЕВ. Именно вам?

ИВАНОВ. А кому же? Я за свой участок отвечаю!

ЛАРИЧЕВ. Вам надо будет угадать несколько тестов, которые мысленно будет посылать индуктор...

ИВАНОВ. Спокойно! *(Деловито достает блокнот, записывает.)* Что такое индуктор?

ЛАРИЧЕВ. Индуктор – это человек.

ИВАНОВ. Так. Какой?

ЛАРИЧЕВ. Любой!.. Обыкновенный... он будет находиться перед комиссией и по ее заданию мысленно передавать вам тесты. А вы, находясь в другой комнате, должны письменно сообщить, что вы поняли.

ИВАНОВ. Все понятно. *(Убрал блокнот.)* Все! За работу, товарищи! *(Огляделся.)* Сейчас репетнем! Миша, освободите стул. Клягин, будете моим индуктором!

КЛЯГИН *(испуганно)*. Чего это – Клягин? Чуть что – Клягин!

ИВАНОВ. Ничего... ничего... Работать надо! Вы же утром в буфете меня просили угадать ваши мысли.. Вот я и угадаю! (*Ларичеву.*) Помогайте ему!.. (*Прохорову.*) Вы – отойдите в сторону и расслабьтесь! По местам, товарищи, по местам! Время, милые, время!

ПРОХОРОВ отходит. ЛАРИЧЕВ берет журнал, показывает КЛЯГИНУ.

ЛАРИЧЕВ. Ну, для примера... Берем этот журнал. Откроем любую картинку. Вот, скажем, эту... Вглядитесь в нее, товарищ Клягин.

КЛЯГИН. Ну, взгляделся...

ЛАРИЧЕВ. Фиксируйте в сознании.

КЛЯГИН. Зафиксировал...

ЛАРИЧЕВ. Теперь мысленно пошлите ее к товарищу Иванову.

КЛЯГИН. Сейчас... (*Напрягся, боднул воздух головой.*) Послал!

ЛАРИЧЕВ (*Иванову*). Что вы увидели?

ИВАНОВ закрыл глаза руками, сосредоточился.

ИВАНОВ. Сейчас. Минутку. Вроде бы... Женщина какая-то... Седая!

КЛЯГИН (*удивленно*). Точно!.. Ну, Иванов, ну ты даешь! Ур-ра! Молодец!.. Женщина! Во, гляди: старушка!

ЛАРИЧЕВ. Ну, если честно говорить, это – Ломоносов.

ИВАНОВ. Товарищи, не будем терять время из-за деталей. Там такси стучит... Поехали, дорогие! Время!

Все убегают.

Затемнение.

Картина четвертая

Прошло несколько часов. ДЕЖУРНАЯ расставляет стулья по местам, протерла тряпкой, ушла.

Вдруг с грохотом распахивается дверь прихожей, и в номер входят веселые КЛЯГИН, ИВАНОВ, ЛАРИЧЕВ, за ними – ПРОХОРОВ.

ЛАРИЧЕВ (*голосом генерала, принимающего парад*). Здравствуйтесь, товарищи феномены!

КЛЯГИН и ИВАНОВ (*хором*). Здрав-здрав-здрав!

ЛАРИЧЕВ. Поздравляю вас с победой!

ИВАНОВ и КЛЯГИН. Ур-ра-а-а!

ЛАРИЧЕВ (*возбужденно*). Гении мои ненаглядные! Уникумы мои незабвенные! Дайте, черти, я вас расцелую! (*Бросается обнимать всех*) Поздравляю вас с победой! Ура!

ПРОХОРОВ (*мрачно*). Вы бы Елене Петровне позвонили. Она ж волнуется.

ЛАРИЧЕВ. Да! Конечно! Немедленно! (*Бросается к телефону.*)

ПРОХОРОВ. Только вы поаккуратней!.. Постепенно сообщайте, постепенно...

ЛАРИЧЕВ (*в трубку*). Алло! Алло! Ленок?.. Это я! Спокойно, только спокойно. Сначала про тебя: врач был? Что сказал?.. Что велел? Алло! Нет сначала про тебя. Алло! Ладно! Не буду тянуть душу, сейчас все расскажу... Только при условии – валидол под язык! Положила? Точно? Ладно, тогда слушай. Сообщаю: триумф! Честное благородное слово: триумф! Хочешь, могу по буквам. Таня, Рита, Иуда... Алло! Да не шучу, какие могут быть с тобой, с ненормальной, шутки? Даю подробности: Иванов из двадцати предложенных тестов угадывает шестнадцать!..

ИВАНОВ. Низжайший поклон. (*Проходит в спальню.*)

ЛАРИЧЕВ. Лена, он тебе кланяется. Клягин вообще герой! Из десяти предметов, расположенных за темным экраном, называет... Ну, угадай, сколько?.. Не-а! Двенадцать!.. Ленок, я не острою, именно двенадцать из десяти! Он еще запонки на руках ассистента разглядел!..

КЛЯГИН. Я и кольцо золотое у него разглядел... И пробу пятьсот восемьдесят третью. А они говорят, это – не в счет... Как не в счет?..

ЛАРИЧЕВ (*отмахивается*). Подождите, товарищи, не слышно. (*В трубку.*) Одним словом, Ленок, триумф! Что? Нет, у Прохорова, к сожалению, ничего не получилось. Да! Неудача! Понимаешь, он, оказывается, вчера перенапрягся, с кем-то подрался...

ПРОХОРОВ (*обиженно*). Зачем рассказываете? Ведь просил же!..

ЛАРИЧЕВ (*в трубку*). Ленок, ну сама у него все спросишь... Что значит – обидно?

КЛЯГИН. Из трех экзаменующихся двое – это нормально.

ЛАРИЧЕВ. Конечно, нормально. Ленок, из трех экзаменующихся двое справились – это более чем достаточно!.. Успех полный! Одним словом, журнал об этом дает информацию в следующем номере... Потом интервью с феноменами, твоя статья... Так мне обещал редактор. Клянусь! Ну, что мы по телефону-то? Дома доскажу... Сейчас все едем к тебе. Шампанское купил...

Да, милая, да, Леночка!.. Все!.. И хватит волноваться! Расслабься! Поздравляю!

КЛЯГИН. И мы тоже!

Ларичев (*в трубку*). И они тоже... Понятно, что и ты их! Все! Закончили! Расслабься! Умоляю! (*Кладет трубку, обращается ко всем.*) Так, товарищи, все – к нам! Праздник продолжается!

ИВАНОВ (*взглянув на часы*). У меня в пять рейс.

ЛАРИЧЕВ. Никаких рейсов! Улетаете ночью! Да вы что, товарищ Иванов? Лишить Леночку возможности лицеизреть нового уникама? Улетите ночью! После банкета! Я вас лично вот этими руками внесу в самолет!

ИВАНОВ. Ну ладно! Тогда, пожалуй, побриться надо. Все-таки в гости к даме идем... Вам бы тоже себя в порядок привести! Щеки обросшие, глаза красные...

ЛАРИЧЕВ. Да. Я ведь почти не спал ночь. Одолжите бритву?

ЛАРИЧЕВ и ИВАНОВ уходят в спальню. КЛЯГИН достает бумагу.

КЛЯГИН. Вот она, справочка! Да я ее теперь всюду с собой носить буду. Вот тут. Теперь мы в городе порядок наведем, все запляшут. Я теперь к любому могу подойти: «Разрешите, гражданин! Я – феномен! Вот удостоверение! Пройдемте!»

ПРОХОРОВ (*берет чемоданчик*). Прощай, Сергей Андреевич!

КЛЯГИН (*удивленно*). Ты что? Куда? Зачем?

ПРОХОРОВ. Уезжаю!

КЛЯГИН хотел что-то сказать, ПРОХОРОВ остановил его.

Не шуми! Так уеду, не прощаясь... По-английски. (*Пытается шутить.*) Ты ж меня учил по-английски...

КЛЯГИН. Нет, Миш, нет! Обижаешь! У нас банкет!

ПРОХОРОВ. Да ну его!

КЛЯГИН. Не пущу тебя! Без тебя за стол не сяду. (*Рванулся к спальне.*) Товарищи!

ПРОХОРОВ (*остановил его*). Тихо! Говорят же тебе... Ну, не могу я ей в глаза посмотреть, неужели не понимаешь? Она на меня так надеялась, а я-то и сплеховал...

КЛЯГИН. Ну и что? Ты сплеховал, а я не сплеховал. Мы теперь, феномены, как моряки: один – за всех, все – за одного! Ну чего ты расстраиваешься? Ну не мог он тебе помочь, Ларичев-то. Там же комиссия.

Нам-то он смог тесты подсунуть заранее, а тебе – как? У тебя ж опыт весь на виду!

ПРОХОРОВ. Что?!

КЛЯГИН (*испуганно*). Чего-чего? Чего? Он тебе не говорил, что ли?! Не говорил, Миш? Тогда и я не говорил! Тогда и я не говорил. Миша! Значит, это тайна! Миша, ты ничего не знаешь! Ты что, Миша! Не нервничать!

Из спальни выходит ИВАНОВ и идет в ванную.

ПРОХОРОВ. Товарищ Иванов, это правда?

ИВАНОВ. Наверное! Вы о чем?

ПРОХОРОВ. Правда, что вы заранее все знали? Что вам шпаргалку дали?!

ИВАНОВ. Не понял. Какую шпаргалку? Дорогой, успокойтесь! Успокойтесь!

ПРОХОРОВ. Опять успокаиваете?! Я ж вам сказал: не хочу спокойно! Вы что, товарищ Иванов?! Вам люди поверили, а вы? Что ж вы делаете, а? Что ж вы такое делаете?

ИВАНОВ (*резко*). Работаю! Работаю, товарищ! Дело делаю. Мне было сказано угадать тесты – я угадал! Я выполнил задачу в поставленные сроки! А как выполнял, каким путем, это уж, извините, никого не касается.

ПРОХОРОВ. Да совесть-то у вас есть?

ИВАНОВ. Есть, голубчик, есть! Этого как раз – навалом. Этого – хоть отбавляй! Только задачи-то нам ставятся непосильные. И времени в обрез! Вот и приходится выбирать: либо с совестью антимонию разводить, либо дело делать!

ПРОХОРОВ. Ну нет! Так у вас, ребятки, не получится! Я так – против! Это не дело делать – это значит делишки обдeldывать, товарищ Иванов!

ИВАНОВ. Ну, вы меня не учите жить!

ПРОХОРОВ. Я не учу! Я у вас думал поучиться. А теперь скажу: не инженер вы, а жулик!

КЛЯГИН. Без оскорблений, Михаил! Без оскорблений!

ПРОХОРОВ (*Клягину*). Ты вообще бы помолчал! Недремлющее око! Порядок мечтаешь навести? Знаю я твой порядок. Тебе волю дай, ты ж людей взглядом затравишь! Ты ж из всех щелей свое недремлющее око тарачить будешь! А ну, отдай справку! Отдай, гад, справку!

КЛЯГИН. Да ладно... Ладно...

ПРОХОРОВ пытается вырвать у КЛЯГИНА справку. Начинается драка.

Не хватай! Не ты давал! Караул! Караул!

Из спальни выскакивает ЛАРИЧЕВ.

ЛАРИЧЕВ (*Иванову*). Что случилось? Товарищ Иванов, что происходит?

ИВАНОВ (*в сердцах*). А пошли вы все!.. Сами разбирайтесь! Я здесь вообще человек со стороны и проездом! Всегда так: не сделаешь – скандал, сделаешь – опять скандал!

ЛАРИЧЕВ (*схватив ПРОХОРОВА за руку*). Объясните, что случилось?

ПРОХОРОВ. Вам я ничего объяснять не буду! С вами все ясно, товарищ Ларичев! Я другому человеку объясню! (*Решительно подошел к телефону, снял трубку.*)

ЛАРИЧЕВ. Подождите... Михаил! Михаил Михайлович! Кому вы звонить собираетесь?

ПРОХОРОВ. Жене вашей.

ЛАРИЧЕВ подскочил к ПРОХОРОВУ, вырвал трубку.

ЛАРИЧЕВ. Что? А ну, отойдите от телефона! Что вам надо от моей жены?

ПРОХОРОВ. Скажу ей все. Всю правду.

ЛАРИЧЕВ. Какую правду? Вы вот что, вы Леночку не трогайте! Вы своей жене правду говорите, а мою оставьте в покое... Ишь, правдолюбец! Да у нее же сердце больное... Как же можно ей такое – сейчас?!

ПРОХОРОВ. Лучше сейчас! Лучше сразу... Потом хуже будет. Потом, когда узнает, может вообще от стыда умереть!

ЛАРИЧЕВ. Не ваша забота!

ПРОХОРОВ. А чья же? Именно моя!

ЛАРИЧЕВ (*в негодовании*). Да чья она жена, в конце концов?

ПРОХОРОВ. Пока ваша...

ПРОХОРОВ начинает набирать номер телефона. ЛАРИЧЕВ задохнулся, схватил аппарат.

ЛАРИЧЕВ. Что? Что? А ну... А ну... А ну, пошел вон, хам!!!

ПРОХОРОВ. Вот как заговорили? Только что целовались, а теперь – хам? Ну ладно. У нас на это тоже ответ найдется! (*Резко бьет ЛАРИЧЕВА кулаком в живот.*) Я тебе, падло, душу вытрясу! (*Второй удар.*)

ЛАРИЧЕВ отлетает в угол комнаты.

Вот так! (*Берет телефон, начинает крутить диск.*)

ЛАРИЧЕВ. Да что же он делает? Что это? Он ведь убьет ее. Товарищи... Милые... (*Замечает в углу ружье, хватается за него, наводит на ПРОХОРОВА.*)

ПРОХОРОВ замер.

А ну! Положи трубку! Встать! Отойти от телефона! К стенке! Руки за голову!

КЛЯГИН (*испуганно*). Ребята, что вы? Ребята!

КЛЯГИН делает шаг к ЛАРИЧЕВУ, тот наводит на него ружье.

ЛАРИЧЕВ. Назад!

КЛЯГИН (*отскочив*). Мишка, кончай! Мишка, он же психованный! Он ведь стрельнет... Не звони жене, Миша! (*Ларичеву.*) Ребята, давайте по-хорошему... договоримся!.. Жене звонить не будем. В журнал позвоним, ребята! Мол, так и так – пошутили!

ЛАРИЧЕВ (*размахивая ружьем*). Назад! Вы что? Какие шутки, дурачье! Вы же людей подведете! Я сегодня целую ночь в ногах валялся у секретаря комиссии, тесты ваши дурацкие доставал! Он же меня пожалел только из-за Лены... из-за ее состояния. Да его же с работы выгонят! А у него – семья... Да вы что? А Лена? Что с ней может случиться? (*Заплакал.*) Товарищ Прохоров! Михаил Михайлович... Мишенька... Умоляю! На коленях готов просить. (*Рухнул на колени.*) Пожалей ты нас!.. (*Вскочил, решительно.*) Нет! Хватит! Никаких просьб! Вы же не можете по-хорошему, вы же обязательно на шею сядете! Нет! Только требовать... А ну, пошли вон отсюда! Чтоб духа вашего не было! Надо будет – позовем. А теперь – вон! Слушайте, Прохоров, я всем святым клянусь, если позвоните – выстрелю. Я специально клянусь, поскольку я человек нерешительный, но тут я путь к отступлению отрезаю. Я клянусь всем святым, что у меня есть.

ПРОХОРОВ (*печально*). У тебя нет ничего святого, Олег Николаевич!

ЛАРИЧЕВ. Молчать!!!

ИВАНОВ. Ну зачем же так уж – «Молчать!»? Почему, собственно, он должен молчать? Мы вас выслушали, теперь его послушаем... Говори, Михаил, не бойся!

ПРОХОРОВ. Да чего говорить-то? Я уж говорил... до этого здесь Елена Петровна говорила... она что говорила... она говорила, понимаете?... Она говорила, какими мы должны быть... и тогда, раньше еще, в Краснодаре... она говорила, мол, человек – это высшее, понимаете, высшее! Она мне все

объясняла, понимаете... мол, человек... Да что ж я говорить-то никак не научусь, дубина!!! *(Заплакал от досады.)*

ИВАНОВ. Ничего, Миша, все ясно. Мы поняли. Парень-то прав, Олег Николаевич, как ни крути – прав! Он правды захотел... И что ему возразить – не знаю. Состричь могу, но возразить по существу нельзя... Да, вообще, честно говоря, и мне эта комедия поднадоела... Всякая вовремя приостановленная липа – уже большой успех! Так что я тоже молчать не стану... Супруге вашей звонить не буду, а в журнал позвоню...

ЛАРИЧЕВ. Нет! Нет! Нет! Никуда вы не позвоните!.. Уезжайте, без вас разберемся! Я всем святым поклялся!.. Не подпущу к телефону! Здесь, в ружье, два ствола, две пули.

КЛЯГИН. Мало! *(Шагнул вперед.)* Мало! Третья нужна, дорогой товарищ. Потому что нас трое... здесь феноменов... И хоть я, как вы выражаетесь, шарлатан, а все-таки тоже... один из них... Так что ничего у вас не получится, Олег Николаевич!.. Пули кончатся, а врукопашную вы против нас не потянете! *(Прохорову.)* Звони, Михаил, не бойся!

ПРОХОРОВ пододвинул к себе телефон, снял трубку.

ЛАРИЧЕВ. Товарищи... Я предупреждал... Я вынужден... Поймите меня правильно... *(Медленно поднимает ружье, наводит на ПРОХОРОВА.)*

КЛЯГИН и ИВАНОВ напряженно смотрят на них.

ПРОХОРОВ *(набирает номер)*. Алло!.. Извините... Елену Петровну можно?

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Можно.

Ее голос прозвучал не по телефону. Она стояла в дверях.

Положите трубку, Михаил Михайлович. Не надо звонить. Я все знаю... И в журнале уже... все всё знают...

ЛАРИЧЕВ *(тихо)*. Зачем ты встала, Лена?

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Убирайся! Не хочу тебя видеть!

ЛАРИЧЕВ. Не увидишь. Но, прошу тебя, немедленно ложись... Тебе велели лежать... Я закажу такси, Лена, слышишь, внизу будет стоять такси. Я не буду ждать, а такси – обязательно. Умоляю: поезжай на такси!.. До свиданья, товарищи! *(Замечает, что держит в руках ружье.)* Фу, черт возьми, чуть не унес!.. Со мной бывает. Такой рассеянный. Извините! *(Ставит ружье на место.)* Еще раз – до свиданья! *(Замечает в*

углу клочок бумаги. Поднимает.) Думал, фотография. Товарищи, если кто найдет мою фотографию... там я... ну, вы знаете... впрочем, вряд ли... Не беспокойтесь!.. Извините! *(Махнул рукой, быстро вышел.)*

Пауза.

ИВАНОВ. Так-с. Ну что ж, пора и мне. *(Ларичевой.)* Я, кстати, не представился вам, Елена Петровна! Иванов. Не тот Иванов, который ваш Иванов, а совсем другой... Случайно попал сюда, в этот номер, и вот – вляпался в историю... Всегда так с этой фамилией.

КЛЯГИН. А вы б ее сменили, фамилию. Спокойно жилось бы.

ИВАНОВ. Ну нет, хватит. Уже один раз менял.

Клягин. Как?

ИВАНОВ. Так!.. Бывает, Клягин... Не удивляйтесь. Бывают и другие фамилии. Это я по жене – Иванов! Раньше у меня была фамилия другая... не такая ходовая... А женился – стал Ивановым. И, между прочим, не жалею... Так даже интересней. Всегда в какую-нибудь замечательную историю... вляпаюсь. *(Подходит к ружью, открывает затвор, вынимает пули, кладет в карман.)* Вот и на этот раз. Чуть под пули не угодил... Как говорится, в борьбе за правду мог жизни лишиться... Это ведь не каждому такая везуха. Ну, счастливо, ребята! А может, действительно, нам бы адресами поменяться, посидеть бы.. *(Взглянул на часы.)* Ох, черт, опаздываю... Как-нибудь в другой раз!.. *(Быстро уходит в темный проем двери.)*

КЛЯГИН *(тоже заторопился)*. Извините. А я-то чего? Еще сколько дел перед дорогой... В ГУМ заехать, платье обменять... Вот характер дурацкий. Ведь сразу платье не понравилось, так нет – все равно купил, а теперь меняй... Ну ничего, меняют, обязаны! И потом, у меня справочка.

ПРОХОРОВ *(глухо)*. Порви.

КЛЯГИН. Что?

ПРОХОРОВ. Порви, говорю!

КЛЯГИН. В каком смысле? В смысле – разорвать?.. Так я думал Наде предъявить. Не, правда, Миш. Ты не думай. Я общественность пугать не стану, я только Наде... *(Посмотрел на Прохорова, на Ларичеву, со вздохом достал справку, порвал.)* Ладно! Черт с ней!.. А то действительно бюрократизм разводим. Уж для жен справки берем... Все! Как говорил Чехов, в человеке все должно быть прекрасно... Все! Кончаем с трансфокальным зрением. Вообще, глазами серьезно заняться надо... Это не шуточки. *(Полез в карман, достал очки, надел)* Вот! Прописали же человеку очки – так носи... Нет! Обязательно выпендриваться надо! Ну, счастливо! А знаете, вы вдвоем хорошо смотрите. Четко! *(Уходит.)*

ПРОХОРОВ. Вас проводить, Елена Петровна?

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Нет. Спасибо. Я сама. Там такси внизу... Я задержалась, чтобы сказать вам, Прохоров, что вами я очень огорчена. На них, на Клягина с Ивановым, я, честно говоря, и не очень-то рассчитывала, а в вас почему-то была уверена. Вам надо перестать отвлекаться на ерунду, а очень серьезно собой заняться. Очень!.. Вот отдохнете, успокоитесь... И я к вам приеду. Мы должны поработать.

Телефонный звонок.

ПРОХОРОВ. Поедем сейчас, а?

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Как – сейчас?

ПРОХОРОВ. Ну, прямо... Сядем, поедем.

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*улыбнулась*). Что вы, голубчик, у меня дочь здесь... муж..

ПРОХОРОВ (*с жаром*). Дочь заберем. У нас там тоже школы музыкальные. А муж... Ну разве это – муж?

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Не понимаю. Что вы этим хотите сказать?

ПРОХОРОВ. Вот этот вот... истеричный? Жулик этот? Да разве это для вас муж?

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*строго*). Не смей!

ПРОХОРОВ. Чего – не смей?.. Вы меня чему учили-то? А сами вот с таким вот живете?.. Он же лилипут, сам про себя говорил... Он же солнце и то продал!

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*вскочила, лицо ее пышет гневом*). Молчать! Дрянь! Не смей так про Олега!.. Да что вы про него знаете? Какое имеете право судить?! Он же талантливейший человек, но он ради меня все... Ради меня себя растоптал. Он же и от работ своих отказался ради меня! Чтобы меня не выгнали! Он в меня всегда больше, чем в себя, верил!.. Солнце, говорите, продал? Не продал, а за меня отдал, дурак вы несчастный! Кто из вас на такое способен?.. У него высший дар на земле – любить другого. Он бы и вас сейчас убил бы... Это я помешала. Я всегда ему мешаю что-то важное совершить!..

ПРОХОРОВ. Извините... Я не знал...

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*успокоившись*). Это вы извините, Михаил Михайлович. Фу!.. Что со мной? Совершенно распустилась... Еще раз извините! А вообще, Прохоров, вам надо поработать над собой. Подобрей бы стать, поласковой с людьми... Знаете, в чем ваша беда? Вы свои феноменальные способности ненавистью продуцируете. Понимаете, про что

я говорю? Вы все – со зла! Это, конечно, неплохо, иногда даже весьма эффективно, но так вы себя погубите. Злость – она иссушает. Вы попробуйте от любви. Вот так же двигайте предметы, только двигайте от любви. Вы любите кого-нибудь?.. Ну, мать? Брата? Сестру? Девушка-то любимая есть?

ПРОХОРОВ (*мрачно*). Была.

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. А теперь?

ПРОХОРОВ. Теперь нету.

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Нельзя так! Постарайтесь полюбить, Михаил. Непременно, иначе пропадете!

ПРОХОРОВ (*мрачно*). Постараюсь.

Снова зазвонил телефон. Ларичева подошла, сняла трубку.

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*в трубку*). Да, Олег. Да. Да, иду, милый! (*Вешает трубку. Быстро идет к двери. На ходу говорит.*) Попробуйте, Прохоров! Обязательно! (*Уходит.*)

ПРОХОРОВ остается один. Садится за стол, задумывается. Достает бутылку водки, выпивает стакан. Входит ДЕЖУРНАЯ. Она уже переделась. На ней – хорошее платье. Она с недоумением смотрит на ПРОХОРОВА.

ДЕЖУРНАЯ (*игриво*). А вот и я. Чего же вы один, как алкоголик, честное слово... (*Оглядывается.*) А остальные ушли, да?.. Интересно. (*Села на стул.*) Ну, давай показывай.

ПРОХОРОВ (*обалдело*). Чего?

ДЕЖУРНАЯ. Двигай. Ты же обещал показать.

ПРОХОРОВ секунду смотрит на нее, потом лицо его становится багровым от гнева.

ПРОХОРОВ. А ну, вали отсюда! Профурсетка!.. Я тебе двину, я тебе так двину – три дня лететь будешь!

ДЕЖУРНАЯ (*растерянно*). Ты что? За что?.. Ты же сам сказал – приходи!.. Звал ведь... За что?

ПРОХОРОВ (*смотрит на плачущее лицо девушки, бросается к ней*). Прости, девушка, прости!.. Ну прости меня, гада!.. Сам не знаю, что со мной... Прости!.. Как зовут тебя, а? Зовут-то как?

ДЕЖУРНАЯ (*испуганно*). За что?.. Чего я такого сделала? Ведь сам позвал, обещал... А-а! Люба!

ПРОХОРОВ. Чего «Люба»?

ДЕЖУРНАЯ. Зовут меня... Люба!

ПРОХОРОВ. Ну и хорошо. Не реви!.. Ну... Ну не реви. Обещал показать – покажу... Да не реви ты... На, смотри... Вот, видишь, ружье! Видишь... Сейчас я его подвину... Во, гляди! (*Повел рукой.*)

Бутылка поехала по полу.

Смотри!

ДЕЖУРНАЯ. Ой, верно! (*Улыбается.*) Ну, ты даешь! Да как же ты это делаешь?

ПРОХОРОВ. Не знаю. Долго объяснять! (*Двинулся к ружью – ружье отъехало.*) Задвигалось! Не со зла задвигалось...

ДЕЖУРНАЯ. А под музыку можешь?

ПРОХОРОВ. Не знаю, не пробовал... Наверное... Включай!

ДЕЖУРНАЯ включила репродуктор. Полилась музыка. ПРОХОРОВ повел в такт музыке руками, и пришло в движение все: стены, мебель, декорация. Потому что смеялась девушка ЛЮБА, гулял вовсю Миша ПРОХОРОВ, а главное, очень этого захотел под финал автор пьесы.

Конец